

Ввиду чрезвычайной важности этого послания А. Солженицына для духовной жизни нашей страны, мы помещаем его в виде передовой статьи нашего журнала. Письмо печатается без ведома и согласия автора.

Великопостное письмо А. И. Солженицына

Всероссийскому Патриарху Пимену — Великопостное письмо.

Святейший Владыко!

Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь еще не домершим православным людям то, о чем это письмо. Все знают, и уже было крикнуто вслух, и опять все молчат обреченно. И на камень еще надо камешек положить, чтобы дальше не мочь молчать. Меня таким камешком придавило, когда в рождественскую ночь я услышал Ваше послание.* Защемило то место, где Вы сказали, наконец, о детях, может быть, первый раз за полвека с такой высоты: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли бы собственным добрым примером. Я услышал это — и поднялось передо мной мое раннее детство, проведенное во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли истереть никакие жернова и никакие умственные теории.

Но — что это? Почему этот честный призыв обращен Вами только к русским эмигрантам? Почему только тех детей Вы зовете воспитывать в христианской вере, почему только дальнюю паству Вы остерегаете «распознавать клевету и ложь» и укрепляться в правде и истине? А нам — распознавать? А нашим детям — прививать любовь к Церкви или не прививать? Да, повелел Христос идти разыскивать даже сотую потерянную овцу, но все же — когда девяносто девять на месте, а когда и девяносто девяти подручных нет — не о них ли должна быть забота первая?

Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ? Еще удивляться надо силе духа родителей, из глубины веков унаследованному неясному душевному сопротивлению, с которым они проходят доносительскую эту регистрацию, потом подвергаясь преследованию по работе или публичному высмеиванию от невежд. Но на том иссякает настойчивость. На крещении младенцев обычно кончается все приобщение детей к Церкви. Последующие пути воспитания в вере глухо закрыты для них; закрыт доступ к участию в церковной службе, иногда и к причастию, а то и к присутствию. Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать и даже не узнать, что потеряно. Перешиблено право продолжать веру отцов; право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, — а вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак свободы вероисповедания в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганды, самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству, вырванному из христианства, — только бы не заразилось им! — для нравственного воспитания

оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом.

Уже упущено полувековое прошлое, уже, не говорю — вызволить настоящее; но будущее нашей страны как же спасти? Будущее, которое составит из сегодняшних детей? В конце концов, истинная и глубокая судьба нашей страны зависит от того, окончательно ли укрепитесь в народном понимании *правота силы* или очиститесь от затмения и снова засияет *сила правоты*, сумеем ли мы восстановить в себе хоть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды.

Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как, например, в Польше. Увы, у нас давно не так. Мы теряли и утерjali светлую этическую христианскую атмосферу, в которой тысячелетие устайвались наши нравы, уклад жизни, мировоззрение, фольклор, даже само название людей *крестьянами*. Мы теряем последние черточки и признаки христианского народа — и неужели это может не быть *главной* заботой русского Патриарха? По любому злу в дальней Азии или Африке русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам — никогда никакого. Почему так традиционно безмятежны послания, нисходящие к нам с церковных вершин? Почему так благодушны все церковные документы, будто они издаются среди христианнейшего народа? От одного безмятежного послания к другому в один ненастный год не отпадает ли нужда писать их вовсе? Их будет не к кому обратиться, не останется паствы, кроме Патриаршей канцелярии.

Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника — Якунин и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждая, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику. Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение — до самоистребления, — до которого доведена русская Церковь: они просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое слово их было *правда*, никто из иерархов не взялся их опровергнуть. И как же ответили им? Самым простым и грубым: наказали, за правду — отвергли от богослужения. И Вы — не исправили этого по сегодня. И страшное письмо двенадцати вятичей также осталось без ответа, и только давили их. И по сегодня все так же сослан в монастырское заточение единственный бесстрашный архиепископ Ермоген Калужский, не допустивший закрывать свои церкви, сжигать иконы и книги запоздало-остервенелому атеизму, так много успевшему перед 1964 годом в остальных епархиях.

Седьмой год, как сказано в полную громкость — и что же изменилось? На каждый действующий храм — двадцать снесенных и разрушенных безвозвратно да двадцать в запустении и осквернении, — есть ли зрелище более

* Патриарх Пимен включил в свое Рождественское послание и обращение к детям русских эмигрантов и их родителям.

надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церкви остался наш Север — издавнее хранилище русского духа, и, предвидимо, самое верное русское будущее. Всякое же попечение *восстановить* хоть самый малый храм, по однобоким законам так называемого *отделения*, перегородено для делателей, для жертвователей, для заведующих. О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем — а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса? Да храмы ли? Даже Евангелия у нас нигде не достать, даже Евангелие везут к нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индию.

Седьмой год — и хоть что-нибудь отстояно Церковь? Все церковное управление, поставление пастырей и епископов (и даже — бесчинствующих, чтоб удобнее высмеять и разрушить Церковь) все так же секретно ведется из *Совета по делам*. Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище, невиданное за два тысячелетия. Их контролю отдано и все церковное хозяйство и использование церковных средств — тех медяков, опускаемых на божными пальцами. И благолепными жестами жертвуются по пять миллионов рублей в посторонние фонды — а нищих гонят в шею с паперти, а прохуdivшуюся крышу в бедном приходе не на что починить. Священники бесправны в своих приходах, лишь процесс богослужения пока еще доверяется им, и то не выходя из храма, а за порог к больному или на кладбище, надо спрашивать постановления горсовета.

Какими доводами можно убедить себя, что планомерное *разрушение* духа и тела Церкви под руководством атеистов есть наилучшее сохранение ее? Сохранение — для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение — *чем?* Ложью? Но после лжи — какими руками совершать Евхаристию?

Святейший Владыко! Не пренебрегите вовсе моим недостойным возгласом. Может быть не всякие семь лет Вашего слуха достигнет и такой. Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей русской Церкви земная власть — выше небесной, земная ответственность страшнее ответственности перед Богом. Ни перед людьми, ни тем более на молитве не слукавим, что внешние пути сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако оно выстояло и расцвело. И указало нам путь: *жертву*. Лишенный всяких материальных сил — в *жертве* всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых веков, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда — бросали львам, сегодня же можно потерять только благополучие.

В эти дни, колленно опускаясь перед Крестом, вынесенным на середину храма, спросите Господа: какова же иная цель Вашего служения в народе, почти утерявшем и дух христианства и христианский облик?

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН
Великий пост
Крестопоклонная неделя.
1972-й год.

Е. П. ТРУБЕЦКОЙ

СМЫСЛ ЖИЗНИ*

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920) по окончании Московского университета по юридическому факультету был профессором политической философии в Ярославском юридическом лицее, потом в Киевском университете и с 1906 г. в Московском университете. В 1917 г. — редактор-издатель либерального политического журнала «Московский Еженедельник» и руководитель религиозного издательства «Путь». В те же годы был членом Государственного Совета и одним из вождей умеренно-либеральной партии «Мирного обновления». Был товарищем председателя Всероссийского Собора Православной Церкви в 1917—1918 гг. и членом созданного Собором Высшего Церковного Совета при патриархе. Скончался в Новороссийске во время гражданской войны.

Главные произведения: «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Августина» (1892); «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Миросозерцание папы Григория VII и его современников» (1897); «Философия Ницше» (1906); «Социальная утопия Платона» (1908); «Миросозерцание Владимира Соловьева», 2 тома (1913); «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства» (1916); «Умозрение в красках (о русской иконописи)» (1917); «Смысл жизни» (1918).

Предлагаемый отрывок взят из заключительной части книги «Смысл жизни».

КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ ЭПОХИ И «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ»

Есть пророческие слова в Евангелии, совершенно точно выражающие значение наших катастрофических переживаний.

* С. Л. Франк, Из истории русской философской мысли конца 10-го и начала 20-го века. Антология. Вашингтон, 1965.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку с свекровью ее. И враги человеку домашние его» (Матф., X, 34-36).

В октябре 1917 года, в дни московского расстрела, мне пришлось наблюдать одну такую семейную драму, — образец того, что в катастрофические периоды истории переживается многими семьями. Отец принадлежал к правящим большевицким сферам; сыновья-офицеры сражались против большевиков, а мать была на стороне сыновей против мужа. Так и говорится в Евангелии: «Предаст же брат брата на смерть и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их» (Матф., X, 21).

Между Царствием Божиим и царствующим на земле злом не может быть никаких компромиссов. Вот почему крушение двойственных, противоречивых установлений, осуществляющих на земле недопустимый компромисс между добром и злом, рассматривается в Евангелии как признак близости второго пришествия Христова. Чтобы осуществился на земле безусловный, вечный мир между Богом и тварью, должен разрушиться тот ложный мир, который соединяет тварь с чуждым и с враждебным Богу началом. Решительное, ясное самоопределение твари к добру или ко злу не оставляет для такого мира места на земле. Вот почему, по Евангелию, близость второго пришествия Христа предвещается катастрофическими событиями, в которых выражается глубочайшее внутреннее разделение мировых начал. Чтобы определиться к своему окончательному, грядущему образу, мир земной должен перестать быть «смешанным телом». Суд вечного Логоса над миром и есть тот острый меч, который рассекает всякие двусмысленные сочетания, — все, что носит на себе печать полужли или полуправды. И это рассечение — процесс болезненный, катастрофический.

В человечестве внутреннее разделение выражается прежде всего в *войнах*; но война — не конец, а начало всеоб-

щего разделения, которое должно проникнуть во все общественные отношения. Так и говорит Евангелие:

«Когда услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец» (Марк., XIII, 7, Матф., XXIV, 6, Лк., XXI, 9).

Евангелие указывает и другие признаки всеобщего распада человечества, — *глады и смятения* (Марк., XIII, 8), *моры* (Матф., XXIV, 7). Мы знаем, что все эти явления тесно связаны с войной и составляют естественное ее последствие. *Смута* рождается из войны, потому что война расшатывает весь государственный механизм, *голод*, — потому что война и смута повреждают все народное хозяйство и, наконец, *моры*, — потому что война всегда служит причиной возникновения жестоких эпидемий. В Евангелии указывается еще одно явление, служащее предвестником близкого конца вселенной, — *землетрясения по местам* (Матф., XXIV, 7, Марк., XIII, 8, Лук., XXI, 11). Связь между этими явлениями вулканических сил и событиями истории человечества в данном случае не очевидна и не может быть вскрыта научным анализом; но мистически связь явлений человеческой разрухи с явлениями разрушения космического вполне понятна. Раз смысл всемирной истории есть тем самым и смысл существования земной планеты, — конец человечества есть тем самым и ее конец; поэтому и совпадение катастрофических событий истории с *ужасными явлениями* (Лук., XXI, 11) вполне естественно.

Само по себе крушение бессмыслицы еще не есть осуществление смысла. Поэтому неудивительно, что во всех отмеченных здесь проявлениях хаоса во внешней природе и в человечестве Евангелие видит только *начало болезней* (Матф., XXIV, 8, Марк., XIII, 8). Предсмертная болезнь вселенной достигает кульминационной точки своего развития лишь в тот момент, когда началом разделения борющихся в мире стихий становится сам смысл мира, когда мир раскалывается надвое в ожесточенной борьбе за Евангелие или против него. Для этого нужно, чтобы Евангелие Царствия было проповедано *по всей вселенной* (Матф., XXIV, 14). Лишь после этого возможно наступление того всемирного гонения против проповедников веры Христовой, которое и будет ближайшим предвестником всеобщего конца. *«Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас, и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга»* (Матф., XXIV, 9—10). Борьба будет вестись не только мечом крови, но и духовным оружием лжехристов и лжепророков, которые *«прельстят многих»* (Матф., XXIV, 5, 11).

Все указанные Евангелием признаки близости конца вселенной налицо в *наши дни*; и, однако, мы должны быть чрезвычайно осторожны в выводах из этого факта. В большей или меньшей степени те же явления повторяются во все дни великих мировых потрясений и кризисов. Не в первый раз мир обгаряется кровью, и не в первый раз из войны рождается смута и голод; также и гонение против Церкви, начавшееся на наших глазах, не только не первое, но и далеко не самое беспощадное. От начала христианской эры не раз повторялись катастрофические эпохи, и всякий раз события вызывали в христианском обществе эсхатологические предчувствия; сопоставляя их с пророчествами Евангелия, христиане говорили о непосредственной близости конца. О последних днях говорили христиане в дни крушения Западной Римской империи. Средневековье, где состояние войны и междоусобия имело характер хронический, было полно предчувствием непосредственной близости конца. Предчувствия эти обострились в век реформации и вызванных ею войн. У нас в России эсхатологическое настроение было вызвано в царствование Петра Великого многочисленными войнами и гонениями против раскольников; оно возродилось в дни войн наполеоновских. Из века в век повторялся все тот же оптический обман. Всякий раз оказывались одинаково неправыми те, кто приурочивал евангельские предсказания к какой-либо определенной дате, более того, — к определенной эпохе истории. А в то же время всякий раз была и *великая правда* в тех предчувствиях.

Мировые катастрофы повторяются в истории. При каждом повторении они становятся глубже и шире, распространяются на все большую и большую область земной поверхности. Мы не знаем и знать не можем, сколько раз суждено повторяться в мире катастрофическим явлениям войны, смуты, голода и гонения, как часты и как сильны будут в будущем землетрясения, которых также бывает много во все века. Но, как бы часто ни повторялись эти ужасы, безусловный смысл их всегда один и тот же. *Они всегда означают не только близость конца, но и действительное его приближение*. Ошибка начинается только с момента, когда мы начинаем мерить эту близость нашим человеческим аршином, т. е. днями или годами в буквальном смысле и, в особенности, — *определенными датами*.

Сам Христос жил в предчувствии близости последних дней: *«Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет»* (Матф., XXIV, 34, Марк., XIII, 30, Лук., XXI, 32). Более того, все наши человеческие умозаключения от катастрофических событий к близости конца вселенной заранее оправданы в Евангелии. *«Так, и когда вы увидите то сходящимся, знайте, что близко Царствие Божие»* (Лук., XXI, 31). Но только не следует забывать, что подлинный смысл этого изречения может быть понят лишь в связи с другим изречением Христа. *«О дне же том или часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец»* (Марк., XIII, 32, Матф., XXIV, 36). Стало быть, уверенность в близости пришествия Христа признается вполне правильным выводом из событий, но только она не должна переходить в самонадеянное и легкомысленное гадание о сроке. Христос несомненно чувствовал и сознавал Царствие Божие как имеющее наступить вскоре, находящееся *близко, при дверях* (Марк., XIII, 29). И предчувствие это, разумеется, не опровергается тем, что со дня рождения Спасителя идет уже двадцатый век: ибо у Бога день, как тысяча лет.

Что понимать под тою близостью Царствия Божия, о которой говорят приведенные тексты, — близость срока или близость цели? Раз срок составляет тайну не только для людей, но и для ангелов, очевидно, что не о нем здесь идет речь. Притом, что следует разуметь под сроком близким? Раз близость измеряется не человеческою мерою, — она имеет здесь иной, божественный и, стало быть, вовсе не временный смысл. Ибо для Божества, которое объемлет все течение времени во единый миг, близки все сроки, в том числе и те, которые нам, людям, кажутся бесконечно отдаленными. Очевидно, что под близостью тут следует разуметь нечто другое, — именно *метафизическую близость цели*. При таком толковании все изречения Евангелия относительно признаков второго пришествия Христа сразу приобретают глубокое конкретное применение ко всем катастрофическим эпохам истории вообще и к нашей эпохе в частности.

Путь спасения — вообще путь катастрофический. И каждый новый шаг на этом пути, каждое новое огненное испытание готовит катастрофу заключительную и тем самым приближает мир к его вечному концу. Когда стораец человеческое благополучие, гибнут относительные ценности, рушатся утопии, — это *всегда* бывает признаком, что Царствие Божие *близко, при дверях*: потому что именно через отрешение от утопического и относительного человек *сердцем* приближается к вечному и безусловному. Именно катастрофа, в которой гибнет временное, готовит грядущий космический переворот. Царствие Божие вначале не приходит приметным образом: оно зачинается во внутреннем мире человека. Но этот внутренний переворот души, обращающейся к Богу, имеет необъятное, космическое значение: ибо в нем осуществляется *перемещение центра мирового гонения*. Благодаря крушению земных надежд происходит величайший сдвиг в жизни духовной: человеческие помыслы, желания, надежды переносятся из одного плана существования в другой. И в этом сдвиге являются в мире величайшие творческие силы. Именно в катастрофические эпохи человеческое сердце дает миру лучшее, что в нем есть, а уму открываются те глубочайшие тайны, которые в будничные эпохи истории заслоняются от умственного взора серою обыденщиною. Среди

пламени мирового пожара, уничтожающего обветшавшие формы жизни, рождаются те величайшие откровения Духа Божия на земле, которые предваряют явления новой земли. Эти явления божеского в человеке несомненно предвещают и готовят «последние дни», ибо именно в них видимо воплощается смысл всего творения — конец и предел всего мирового развития. Но было бы глубоко ошибочно видеть в этих предвестниках конца какие-либо хронологические указания на тот день, который придет, «как тать в ночи».

КОНЕЦ — РАЗРУШЕНИЕ И КОНЕЦ — ЦЕЛЬ

Есть одна отдаленная эпоха древнего мира, которая дает удивительно яркую иллюстрацию значения катастрофического в истории. Я говорю о пелопонесской войне, которая была, несомненно, величайшей катастрофой древней Греции.

Связь положительного и отрицательного момента Божьего суда над миром может быть выяснена с величайшей наглядностью именно на этом примере, потому что история Греции представляет собою вполне закончившийся, во всех своих частях завершившийся цикл мирового развития. Какой же урок дает нам эта война? После величайшего национального успеха в борьбе с персами внезапно открылся тяжкий смертельный недуг, подтачивавший всю греческую культуру. Война разделила все в Элладе — и отдельные ее государства, и общественные группы, и партии. Война междугосударственная тут была логически и жизненно связана с войною гражданской между богатыми и бедными, ибо с самого начала она велась между величайшей демократией и могущественной олигархией Эллады. И результат войны оказался гибельным для всех — для победителя не менее, чем для побежденного. Война привела к полному и всеобщему внутреннему истощению. Она разложила всю греческую государственность и общность, внесла деморализацию во все общественные слои. Она сделала бедных прабителями, богатых — заговорщиками и изменниками поневоле, ибо заговор и измена в те дни были нередко единственным способом защиты против не сдержанного законом своеволия черни. В войне же родилась и воспиталась отвратительная форма демократической тирании. Словом, война сделала в то время то же, что она делает в наши дни. Она воздвигла класс на класс и брата на брата. Тем самым она сделала Грецию легкой добычей внешней силы. Междоусобная распря Спарты и Афин подготовила торжество Македонии.

Казалось бы, что может быть бессмысленнее этого конца Греции, самого культурного из народов древнего мира! Пелопонесская война была началом конца Греции в двойном смысле, — в смысле разрушения временных форм бытия и в смысле достижения высшей духовной цели национального развития. В этом горении временного явился тот безусловный смысл, который составляет непреходящее содержание всей греческой культуры.

Не случайно именно в дни пелопонесской войны или после нее, под влиянием переживаний, ею вызванных, родились те духовные ценности, которые составляют величайший вклад Эллады в сокровищницу всемирной культуры. Не будь этих переживаний, не было бы и многих великих творений греческих трагиков, комедий Аристофана, философии Сократа и Платона. В особенности в истории греческой философии бросается в глаза эта внутренняя связь между катастрофическими переживаниями и высшим духовным подъемом. Когда мы читаем вдохновенное изображение последних минут жизни Сократа в платоновом Федоне, эта связь становится очевидной. Не личная, а национальная катастрофа была двигателем сократовской проповеди бессмертия. Сократ был свидетелем великой разрухи общественной жизни, глубочайшего нравственного падения родины. Отсюда — все дело его жизни: порочной и суетной жизни родного города он противопоставляет иную, высшую жизнь, основанную на знании божественного. Тайнственным демоническим внушением вызывается уход философа из политики. Этим же откровением обуславливается и самый уход его из жизни,

ибо причина его казни — в его проповеди. Таким образом, откровение этой возвышенной мысли и этой праведной жизни представляет собою прямой ответ на современное философу обнажение бессмыслицы.

С одной стороны — осатаневшая чернь, преступившая закон божеский и человеческий, а с другой стороны — высший подвиг добра, смерть праведника за правду, — такова основная трагическая противоположность эпохи. В ней суд Божий проявляется как острый меч, отделяющий и рассекающий живое и мертвое, смысл и бессмыслицу. Народ, умертвивший величайшего из своих сынов, тем самым отсекся от смысла своего существования и обрек себя смерти. Зато пророку, отверженному своими соплеменниками, дано было явить миру откровение вечной жизни через смерть. Вся философия Платона, это яркое видение другого мира, представляет собою дальнейшее развитие и раскрытие этого сократовского откровения. Потусторонняя красота мира божественных идей открылась Платону в дни обнажения суеты и призрачности человеческой жизни.

В последующей истории мы найдем множество таких примеров. Видение нерушимого, вечного града Божия открылось блаженному Августину в катастрофические дни взятия Рима Аларихом, в век падения Западной Римской империи. Религиозный подъем Савонаролы и фра Беато был возможен в дни чудовищных явлений зла, в век Макиавелли и Цезаря Борджиа. У нас в России среди ужасов татарщины зародился тот духовный подъем, который выразился в житии св. Сергия и в бессмертных произведениях новгородской иконописи. Все эти и многие другие примеры свидетельствуют об одном и том же, — о положительном значении катастрофического в мире, о связи глубочайших откровений с крушением человеческого благополучия. Вот почему второму пришествию Спасителя должна предшествовать такая скорбь, которой не было от начала мира.

Как бы ни были соблазнительны исторические аналогии, из них нельзя извлекать более, чем они дают на самом деле. Возможно, что пережитая нами мировая война есть начало конца Европы; возможно, что и здесь обе воюющие стороны работали в пользу Японии или Китая, как некогда спартанцы и афиняне работали в пользу Македонии. Но возможен и другой исход: возможна временная, более или менее продолжительная остановка начавшегося на наших глазах процесса всемирного разрушения. Нам не дано знать, начались ли уже теперь последние дни предельной высшей скорби. Верно только одно: вечная жизнь мира осуществляется через смерть его временных форм: достижение безусловного смысла готовится разрушением всего половинчатого и двусмысленного. Постольку и переживаемые нами испытания готовят конец миру в двойном смысле — и в смысле прекращения суеты, и в смысле творческого завершения мирового движения.

Совершается суд над миром, и все те духовные силы, которые таятся в человечестве, должны обнаружиться в этом огненном испытании. Самое разрушение мирского порядка доказывает, что Царство Божие нас коснулось: оно близко, при дверях. Все то, что его не вмещает, подлежит разрушающему действию огня, разгоревшегося в мире. Но для тех народов, которые сумеют осознать и вместить его откровения, наступает эпоха великих духовных подвигов и высшего творчества.

СМЫСЛ МИРА И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

Всем сказанным подготавливается наш ответ на поставленный в начале этой главы вопрос о смысле человеческой культуры. Ответ этот, ввиду отмеченного уже выше смешанного состава человеческой жизни вообще и культуры в частности, не может быть ни простым да, ни простым нет. В культуре есть элементы, обреченные тлению, но есть и другие, подлежащие увековечению: есть в ней ценности отрицательные, но есть и положительные, причем эти последние в свою очередь подразделяются на ценности безусловные и относительные.

Руководящим началом для распознавания тех и других для нас должен служить, очевидно, все тот же критерий, коим апостол учит узнавать Духа Божия и духа заблуждения (1-е Иоанн., IV, 2-3). Мысль о Христе, пришедшем во плоти, для христианина выражает собою *основную задачу культуры*, — то начало, которое она призвана воплощать в жизни; а признание за культурой положительной задачи есть тем самым ее оправдание. Раз началом религиозной жизни человеческого общества является воплощение божеского в человеческом, человеческий ум и человеческая воля призываются к творческому участию в деле Божиим. Христианский идеал выражается не в одностороннем *монофизитском* утверждении божеского начала: он требует от нас сочетания беззаветной преданности Богу с величайшей энергией человеческого творчества. Человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность. Не вызывает сомнений *положительная* необходимость и ценность культуры религиозной в собственном смысле слова.

Также не вызывает сомнения и *отрицательная* ценность той явно антирелигиозной культуры, которая стремится утвердить на земле царство безбожного человека. Это именно та культура, которая разрушается и гибнет в разгоревшемся на наших глазах мировом пожаре. В катастрофических событиях всемирной истории мы читаем ей суд и осуждение.

Но этими указаниями на *явно* положительные и *явно* отрицательные элементы культуры ответ на наш вопрос не исчерпывается вследствие существования в человеческой жизни области смешанной, окончательно не определившейся, а потому, в конце концов, спорной. Есть безусловное добро и безусловное зло; но есть и средняя область *относительного*, религиозная оценка которой представляет значительные трудности. Спорным с христианской точки зрения представляется, как уже было мною указано, вопрос не о религиозной, а о *светской* культуре. Можно ли признавать за ней какую-либо положительную ценность, хотя бы относительную? Не предрасполагает ли сказанное здесь о значении катастрофического в истории к отрицательной ее оценке? Если цели божественного домостроительства осуществляются через крушение мирского порядка и мирского строения, не значит ли это, что мы должны смотреть на весь мирской порядок, а с ним вместе и на всю светскую культуру как на *ценность отрицательную*?

То или иное решение этого вопроса имеет огромную практическую важность: ибо, в конце концов, это — вопрос обо всем нашем отношении к миру. Должны ли мы быть деятельны в нем, бороться из-за него, спасать гибнущее мирское строение или спокойно предоставить его собственной участи? Должны ли мы тушить мировой пожар или, сложив руки, ждать того Божьего суда над миром, который предвозвещается этой картиной всеобщего разрушения?

Отказ от борьбы за мир с религиозной точки зрения может показаться весьма соблазнительным... Но, именно признавая мирской порядок «царством антихриста», мы отдаем его во власть антихриста. А отказ от борьбы за мир есть недостойная человека, и в особенности христианина, капитуляция перед господствующим в мире злом.

В основе всех этих пассивных настроений, так или иначе связывающихся с эсхатологией, лежит двоякая ошибка религиозной мысли и религиозного чувства, — ложный *максимализм*, пренебрегающий относительными ценностями, и нехристианское, *фаталистическое* понимание конца мира.

Начну с первого заблуждения. — Мирской порядок, как таковой, представляет собою, разумеется, ценность относительную и временную: ибо конечный идеал христианства есть — Бог как *всяческая во всем*; основное требование этого идеала есть пресуществление всего человеческого, более того — всего земного в Богочеловечество... В качестве ценности относительной и временной, мирской порядок не может и не должен перейти в вечность. И од-

нако с христианской точки зрения было бы не только ошибочно, но и предосудительно требовать его немедленного упразднения, или хотя бы отрицать ценность его во времени.

Царствие Божие, где Бог наполняет Собою все и где не остается места для какой-либо внебожественной действительности, есть конец, *завершение* мировой истории, а не какая-либо из начальных и посредствующих стадий ее развития. Пока мир не созрел для окончательного самоопределения, пока он не вмещает в себе полноты божественной жизни, он остается внебожественною областью. В качестве таковой он временно остается за *порогом* Царствия Божия; но отсюда, разумеется, не следует, чтобы он должен был быть отдан во владычество бесу. В этом заключается оправдание мирского порядка — мирского общества, государства, хозяйства и всей общей светской культуры.

В Царствии Божием зло побеждается *изнутри*, в самой своей возможности — через *органическое сочетание* Бога с человечеством и с миром, через полное преобразование вселенной. Наоборот, в порядке мирском зло ограничивается *извне*, подавляется внешнею силою государства. Отсюда видно, как относится мирской порядок к последним, высшим целям человеческого существования и в каком смысле он ценен. Он находится за пределами царства благодати, но он ценен как посредствующая, *историческая* стадия развития, необходимая, пока еще не совершился, но совершается исторический переход от зверочеловечества к Богочеловечеству...

Та область, где зло побеждается лишь внешнею силою, еще не есть Царствие Божие; но для последнего далеко не безразлично, что делается у его преддверия. С христианской точки зрения, понятное дело, бесконечно лучше то состояние человечества, где зло сдержано хотя бы внешними, материальными преградами, нежели то, где зло не сдержано ничем. Вот почему Самуилу было велено благословить на царство царя израильского и сам Христос вменил в обязанность христианам платить тот динарий, на который содержались римские легионы! Евангелие ценит государство не как возможную часть Царствия Божия, а как ступень, должную вести к нему в историческом процессе. Кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, превратилась в рай, тот должен благословлять ту силу, хотя бы внешнею, которая *до времени* мешает миру превратиться в ад. Путь к Царствию Божию таков, каким он некогда явился в сновидении Иакову; он — *лестница*, коей вершина — на небе, а основание — на земле. Тот ложный максимализм, который с мнимой религиозной точки зрения отвергает низшие и посредствующие ступени во имя вершины — во имя христианского идеала — отрицает христианский путь: это — *максимализм не христианский, а беспутный*.

Признание *относительных* ценностей и положительное к ним отношение не только не противоречит этическому максимализму религии, но прямо им требуется. Ибо, как смысл *всего* существующего, Бог есть смысл и *всего* относительного, временного. Если совершенное Божоявление есть тот максимум, который составляет действительный конец мирового процесса, то этим *оправдан весь процесс*, и несовершенное его начало (минимум), и отдельные *относительные* стадии прогресса. Тем самым оправдано и государство. Христианскою должна быть признана не та точка зрения, которая требует немедленного его упразднения, и не та, которая спешит включить его в Царствие Божие, а та, которая разделяет Божие и кесарево, воздавая подобающее Тому и другому.

С этой точки зрения заслуживает осуждения не только антигосударственное, анархическое настроение в собственном смысле слова, но и безучастное, *равнодушное* отношение к государству. Раз государство признается положительною, хотя бы и относительною ценностью с христианской точки зрения, всякий христианин обязан за него бороться. Чем сильнее и настойчивее попытки превратить его в царство «зверя, выходящего из бездны», тем больше мы, христиане, должны стремиться удержать государство

в наших руках, сделать его служебным орудием в борьбе против звериного начала в мире...

Христианство высоко ценит отречение от мира и уход из него; но этот уход святых и преподобных, который признается одним из высших человеческих подвигов, есть отказ от мирских благ, отказ от эгоистического наслаждения и пользования миром, а отнюдь не отречение от борьбы с царствующим в мире злом: наоборот, иноческий подвиг представляет собою одно из высших проявлений этой борьбы. Оттого-то между иноком, который молитвой изгоняет бесов из мира, и воином Христовым, который ратует за мир, нет антагонизма, а есть полное внутреннее согласие. Оттого-то христианское государство находит себе в церкви не осуждение, а точку опоры, источник силы и крепости...

ФАТАЛИСТИЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ КОНЦА МИРА

С этой точки зрения нам нетрудно разоблачить сущность другого отмеченного выше заблуждения — фаталистического понимания конца мира.

Конец мира есть второе и окончательное пришествие в мир Христа Богочеловека; это — не простое — прекращение мирового процесса, а достижение его цели, исчерпывающее откровение и осуществление его внутреннего (имманентного ему) смысла. Конец мира, так понимаемый, не есть внешний для человечества фатум: ибо Богочеловечество есть обнаружение подлинной идеи-сущности всего человечества. Пришествие Христово означает полное преобразование всего человеческого и мирского в Божеское и Христово.

Такое космическое превращение по самому своему существу и замыслу не может быть односторонним действием Божества. Второе пришествие Христово, как акт окончательного объединения двух естеств во всем человечестве и во всем космосе, есть действие не только Божеское и не только человеческое, а Богочеловеческое. Стало быть, это не только величайшее чудо Божие, но вместе с тем и проявление высшей энергии человеческого естества.

Христос не придет, пока человечество не созреет для Его принятия. А созреть для человечества именно и значит обнаружить высший подъем энергии в искании Бога и в стремлении к Нему. Отсюда следует, что конец мира должен быть понимаем не фаталистически, а динамически. Это не какой-либо внешний посторонний миру акт божественной магии, а двустороннее и при этом окончательное самоопределение Бога к человеку и человека к Богу — высшее откровение творчества Божества и человеческой свободы.

Очевидно, что такой конец миру может быть подготовлен не пассивным ожиданием со стороны человека, а высшим напряжением его деятельной любви к Богу, стало быть и крайним напряжением человеческой борьбы против темных сил сатанинских.

Как сказано, конец мира должен быть понимаем в положительном смысле — достижение его цели. Цель мира — не прекращение жизни, а наоборот, ее преизбыточествующая и совершенная полнота. Поэтому и утверждение «близости конца вселенной» должна звучать не как призыв к неделанию, а, наоборот, как призыв к энергии в созидании непреходящего и существенного. В наши дни, когда постигшие нас тяжкие испытания заставляют людей говорить и думать о близости конца, надо начать с уяснения понятия «конца» в христианском значении этого слова...

Конец есть отрицание только пустых и суетных дел, — только тех, которые пребывают под законом смерти и всеобщего горения. Есть другие дела, которые не сторают, потому что они вносят в гераклитов ток непреходящее, субстанциональное содержание. По отношению к таким делам конец есть не отрицание, а завершение, утверждение их в вечности.

Конец близок! Это значит, что жизнь должна идти полным ходом к цели: непрерывно должно продолжаться

то восхождение, которое в процессе эволюции идет от зверочеловека к Богочеловеку. И, так как восходящая линия поднимается из ступени в ступень, то тем самым оправданы все ступени, благословенно всякое, даже относительное усовершенствование. Всякая ступень необходима в лестнице, и ни одной невозможно миновать человечеству, чтобы достигнуть цели. Пусть эта человеческая лестница заостряется кверху немногими вершинами. Вершины эти не могли бы упираться в небо, если бы они не воздымались над широким человеческим основанием. Все тут составляет одно целое — и основание, и вершина, все одно другим утверждается и скрепляется в этой религиозной архитектуре человеческой жизни. И, как бы низко ни стояли отдельные ступени, — высота вершины свидетельствует об общем стремлении ввысь.

Разъяснения эти могут вызвать возражения, и нам необходимо на них ответить. В них есть как будто некоторая видимость внутреннего противоречия. С одной стороны, с точки зрения динамического понимания конца, мы вменяем людям в обязанность *дейтельно* заботиться о сохранении относительных ценностей культуры, в частности — о спасении мирского порядка; с другой стороны — мы говорили выше, что крушение государства и всего вообще мирского благополучия может быть благодетельным, потому что *неблагополучие бывает нужно человеческой душе*. Как совместить эти два противоположные утверждения? Не убивает ли такое, хотя бы и «динамическое» понимание конца всякую энергию, если не в стремлении к абсолютному, то, по крайней мере, в созидании относительного? Не должно ли оно, в частности, подорвать веру в ценность какой-либо государственной деятельности?

Возражения эти основаны на явном недоразумении. Во-первых, неблагополучие может быть полезным только для тех, кто от него страдает, а не для тех, кто его причиняет своими преступными действиями или преступным бездействием. Для тех избранных душ, которые закаляются в испытаниях, могут быть полезными не только испытания, но и соблазны. Но горе тем, через кого соблазн приходит. Во-вторых, как бы ни были проблематичны и недолговечны относительные ценности жизни, *самая деятельность* человека, направленная к их созиданию, может заключать в себе нечто безотносительно ценное, в зависимости от того, какой дух в ней проявляется, какими намерениями и началами она вдохновляется... В. С. Соловьев, по чувству долга писавший публицистические статьи, отвлекавшие его от любимых философских занятий, сравнивал эту скучную для него, но, как он полагал, нужную для общества работу, с послушанием монастырского послушника, обязанного выметать сор из монастырской ограды.

Есть бесчисленное множество будничных, серых человеческих дел, которые напоминают это выметание сора: всеми этими делами создаются, разумеется, ценности в высокой степени относительные и временные. Но когда в эти серые дела человек вносит религиозное послушание и служение, когда он вкладывает в них чувство беззаветной любви к Богу, к родине или даже просто к близким людям, о которых он заботится, он тем самым созидает нечто неумирающее и бесконечно дорогое, что на веки остается. Ибо этим самым он в лице своем являет образ Божий на земле. Возможно, что публицистическая деятельность Соловьева была сплошь ошибочна: возможно, что от нее не осталось ни единой живой мысли и что все созданные ею относительные ценности сторели. Одно во всяком случае остается на веки нерушимым и ценным: это — смиренный образ монастырского послушника, который выполняет тяжелое, скучное ему дело не по внешнему принуждению, а *потому что ему бесконечно дорога его обитель*. Создавая относительные ценности, человек, сам того не замечая, делает нечто другое, неизмеримо важное: он определяет *себя самого*, выковывает тот свой человеческий образ, который либо перейдет в вечную жизнь, либо станет добычей второй смерти. Создание собственного своего образа по образу и подобию Божию и есть то подлинное, *субстанциональное и творческое дело*, к которому

призван человек. Относительные ценности служат лишь средством для этого творчества, но сами по себе не выражают его сущности.

Однако, в качестве средства, эти ценности необходимы. И пища, которую мы питаемся, и одежда, в которую мы одеваемся, и здоровье, которым мы наслаждаемся, принадлежат к области благ относительных. И тем не менее, если я не позабочусь о пище, одежде и здоровье моих близких, я сам понесу *безотносительную утрату*. Христос не хочет иметь ничего общего с теми, кто алчущего не напичкал, нагого не одел, а страждущего и находящегося в темнице не посетил. Поскольку относительные ценности служат средствами для осуществления любви, они приобретают высшее освящение, ибо они становятся способами явления безусловного и вечного в мире.

В числе других относительных ценностей такое освящение получает и государство в христианском общегитии. Человек, который равнодушно относится к одичанию че-

ловеческого общества, к нарушению в нем всякого права и правды и к превращению людей в стаю хищных зверей, тем самым доказывает полное отсутствие любви к ближнему. Не этим холодным и пассивным отношением к человечеству, а деятельным и самоотверженным ему служением человек готовит то последнее, заключительное явление Богочеловечества, которое завершает всемирную историю.

Таким образом мысль о близости конца не обесценивает относительных ценностей, а только заставляет думать об их подчиненном значении. Мысль о Христе-Богочеловеке, грядущем в мир, не есть отрицание мирового процесса во времени, а осуществление его основного стремления, откровение его вечного смысла. Этот всеединный смысл объемлет в себе и вечное, и временное, и безусловное, и относительное. Об этом свидетельствует молитва Господня, которая просит Отца Небесного и о пришествии Царства Божия, и о даровании хлеба насущного.

В. ПИРОЖКОВА

„Веточка в растворе“ Г. Померанца

ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Я, царь Ашока, завоевал царство Калингу и убедился, что для этого надо было убить 100 000 человек, и сердце мое содрогнулось...»

Я не утверждаю, что не надо строить стен. Но я утверждаю и совершенно серьезно, что память о сокрушенном сердце Ашоки — тоже вещь, без которой ни один народ не может прожить»¹

Г. Померанц рассказал о двух древних императорах, Ашоке в Индии и Цинь Ши-хуанди в Китае. Оба имели перед собой прогрессивную цель — объединение страны. Но Ашока с ней не справился, поддавшись «ложному гуманизму», и вместо пушек стал рассылать в соседние страны буддийских монахов с «реакционным учением»: «не отнимай чужой жизни, не бери того, что тебе не принадлежит, не лги» и т. д.²

Цинь Ши-хуанди остался «правильным гуманистом», уничтожил интеллигенцию и создал «великолепное государство», обладавшее только одним недостатком: жить в нем было нельзя.

Ашока оставил потомкам свое сокрушенное сердце, а Цинь Ши-хуанди — великую китайскую стену.

Без сокрушенного сердца Ашоки не могут жить народы, говорит Померанец. Но что такое вообще народ и может ли целый народ, все равно какой, жить памятью о сокрушенном сердце Ашоки?

«Из двух великих народов древности, заложивших основы нашей культуры, один осудил Сократа (за безнравственность), другой распял Христа»³

Если прежде было еще что-то вроде народа как нечто общее, с заложенными в нем не только дурными, но и положительными, чистыми основами, то теперь этого народа уже совсем нет по мнению Померанца. Народ в прежнем смысле исчезает или исчез совсем. Есть еще Иван Денисович и Матрена, но они вымирают. А на их место идет масса, мещанство.

«Подумайте над тем, что вы прочли. И прежде, чем осуждать меня, поймите. То, что у нас обычно называют народом, — совсем не народ, а мещанство. Это мещанство

хочет, чтобы его принимали за народ, оно хочет называть себя народом, подчинить себе интеллигенцию, заставить ее относиться к себе, как к норме и образцу»⁴

Ну, а мещанство же, конечно, ужасно! Это знают все русские, всех направлений и убеждений, и Герцен, и Достоевский, и Константин Леонтьев, и Толстой. Извечная русская борьба с мещанством!

Но и мещанство меняет свое лицо. Прежде это были более или менее «почвенные», еще не лишенные благодушия мещане, «рыла», хотя и произведшие уже свою превосходную гнусную форму «гадов».

«Рыла любят пожить, и если не разбираются в цветах жизни, то очень даже обожают ее ягодки...»⁵ «И рыла и гады — недоучки. Те самые, о которых писал Монтень: простые крестьяне — прекрасные люди, и прекрасные люди — философы; но все зло от полубразованности... Или, говоря языком монахов, — на полпути сторожит дьявол. Рыла стоят в самом начале пути от крестьянина к философу, от зверя к Богу. В них еще много скотского добродушия. Гады — как раз на полпути. Они прогрессивнее, а потому страшнее»⁶

«Рыла хотят жить; уничтожат все подряд им нет расчета; нажравшись сладкого человеческого мяса, они укладываются в логовище и, мирно урча, переваривают пищу, — пока подрастает следующая порция, резвясь и тучнея на зеленых лугах. Гадов это раздражает, их бесит вид откормленных овец; они требуют продолжать кампанию, им лишь бы горло перегрызть, глотнуть крови — и бежать за следующей жертвой, оставляя труп гнить. На завтрашний день им наплевать»⁷

Кроме еще более или менее натуральных «рыл» и их превосходной степени «гадов», есть бернары. Это те, кого Чернышевский назвал «новыми людьми», но Померанц оставляет за ними наименование, данное им Митенькой Карамазовым: бернары. «Это не мертвые души, скорее неродившиеся, вылупившиеся из книги, как гомункулус из колбы»⁸

¹ Г. Померанц, Неопубликованное, Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972, стр. 210.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 174.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 93.

⁶ Там же, стр. 104.

⁷ Там же, стр. 106—107.

⁸ Там же, стр. 93.

«Гомункулусы — прирожденные враги и соперники рыл. Что рыло здорово, то гомункулусу смерть, и наоборот. Гомункулус открывает форточку (потому что он знает, что свежий воздух полезен), рыло закрывает: боится сквозняков. Гомункулус не может без логики — рыло ее не выносит. Гомункулус любит инструментальную музыку, рыло — хор Пятницкого, парады и равнения. Наконец, задумавшись и перестав добросовестно функционировать, интеллект превращается в Ивана Карамазова, рыло — в Смердякова.

Некоторые считают, что механизм современной цивилизации слишком сложный для понимания рыл, требует замены их интеллектуалами. Власть гомункулусов уже получила название (технократия). Однако в наличии ее нигде нет».⁹

Бернары, по мнению Померанца, еще слишком мало описаны, и ими следует заняться, так как последнее время они очень широко распространились.

«Раскалываясь на своих вершинах, тип бернара широко входит в быт, становится популярным. Бернары умножились среди инженеров, учителей, встречаются они и между бухгалтеров, создающих новые формы учета и отчетности. Наконец, в эпохи революций некоторые бернары (начиная с Карно) становятся теоретиками и практиками политического действия. В этой функции они участвуют в отсечении голов других бернардов, равнодушных к политике (случай с Лавуазье). Марксизм привлек в ряды рабочего движения большое число бернардов (и ракирных, о которых речь пойдет ниже). Они внесли свою лепту в историю девятисотых, десятых и двадцатых годов.

Бернар в спокойном, аполитическом состоянии и бернар в возбужденном, политическом состоянии одинаково убежден в разрешении всех вопросов научными методами. Но бернар нормальный режет лягушек, а бернар взбалмученный — людей. Поэтому их деятельность невозможно одинаково оценить. Нормальный бернар занят решением задач, которые могут быть строго сформулированы. О явлениях, не поддающихся строгому описанию (например, о счастье личности или общества), он позволяет себе выразить твердую уверенность, что когда-нибудь и эти явления будут описаны языком математики, и тогда счетные решющие устройства будут щелкать вопрос «быть или не быть?», как орешек. Эти разговоры, однако, не выходят за пределы курительной комнаты Ленинской библиотеки или самое большее — страниц «Литературной газеты».

Напротив, бернар, сорвавшийся со своей орбиты, начинает решать вопрос «быть или не быть?», ударивший ему в сердце, без всякого промедления: и вместо науки получается научная идеология, вместо эксперимента — красногвардейская атака на капитал, ликвидация кулачества, большой скачок...»¹⁰

«Бернар весь ушел в функционирование своего интеллекта. То, что вне интеллекта (с освещенного интеллектом подопытного угла действительности), для него только место отдыха или пустырь.

Бернар чувствует поэзию, музыку, живопись. Он любит Баха (а не Соловьева-Седого: вкусы интеллектуалов резко и даже полемически противопоставлены вкусам рыл). Но попробуйте сказать, что музыка Баха — более глубокое познание Целого, чем квантовая или еще какая-нибудь теория; физик только презрительно улыбнется. Так улыбался Иван, слушая Алешу. Но у Ивана бывали минуты, когда он хочет понять, что не укладывается в эвклидовский разум. Иван гоним, Иван знает, что ему чего-то недостает. Бернар в этом отношении — недоразвитый Иван. Недоразвитый в целом из-за слишком сильного развития интеллектуальной машины. Представим себе Ивана, который бы написал не маленькую статейку о монастырском суде, а пишет один трактат за другим, или режет лягушек и т. д. Беседовать с чертом у него бы просто не было времени. Инерция размахавшегося интеллект-

та так велика, что самые эгучие моральные вопросы не в силах из нее вырвать...

Бернары гордятся тем, что увеличивают власть человека над природой. Но власть — не безусловное благо. Она оправдана как альтернатива анархии, как меньшее зло. Это меньшее зло легко может стать большим, если люди перестали понимать, что имеют дело со злом, а не с добром.

Власть над природой хороша, насколько освобождает человека от страха, голода и болезней. Но власть эта сама по себе — болезнь, похуже чумы. Она отчуждает человека от всеобщего строя, от самого себя. Вся человеческая культура — только конденсация ритмов, разлитых в природе. Стремительное развитие власти над природой прерывает пуповину, питающую душу зародыша. Агрегаты цивилизации, растущие, как опухоль, разваливают целое культуры. Ученые решили вопросы, которые тысячелетия ставили в тупик пахарей и пастухов. Но решение создало новую ситуацию, с которой наука не в силах справиться. И если завтрашний день принадлежит ученым, то послезавтрашний — кому-то другому. Тому, кто освободит нас от апокалиптического страха, созданного самой властью над природой. Не только от страха атомной, бактериологической, черт знает какой войны: еще сильнее давит страх пустоты...»¹¹

Да, пустота — страшная вещь, и интеллектуальные гомункулусы не могут ее преодолеть. Даже вся философия Толстого, которую он создал исключительно из поразившего его страха пустоты, не смогла ее преодолеть, а где уж тут справиться с ней бернардам. Еще труднее справиться с ней смердяковым, которые на практике всегда оттесняют бернардов в сторону, даже тех, которые сорвались с орбиты и режут людей.

«Очень важно понять, что Смердяков — не обязательно повар. Он может быть юристом, как горьковский Самгин, академиком, как Л., художником, как С., поэтом, как Г. Совершенно неважно, к какой профессионально-технической группе случай его приткнул. Смердяков — специалист, и с презрением относится к карамазовым, у которых нет специальных занятий, тогда как он всегда может открыть ресторан в Питере. Но это одна оболочка, как фрак и орден Льва и Солнца у ночного гостя Ивана Карамазова или должность архивариуса у персонажа из сказок Гофмана. Под форменным пиджачком Павла Федоровича поблескивает зеленоватая-серая чешуя. И когда он сидит в президиуме, красная бархатная скатерть чуть заметно колышется: это, вздрагивая от аплодисментов, сладострастно извивается драконий хвост».¹²

«Пирогов, Ноздрев и всякое рыло живет, не думая, живет рефлекторно; его невозможно судить (разве только высечь, если свинство превзойдет меру). Смердяков думает, но не живет; видимость жизни, которой он может обмануть — призрачное существование вампира. Кровь, которая переливается в его жилах и иногда окрашивает его щеки — чужая кровь, выпитая по ночам на допросах...

Пирогов не тщеславен. Если судьба подымет его наверх — хорошо; если забросит заведующим складом — тоже не плохо. Перефразируя Веспасиана, Пирогов мог бы сказать: место не пахнет. Лишь бы оно кормило. Всякого рода гамлетовские сомнения ему совершенно чужды. Напротив, Смердяков — гамлет лакейский...

Пирогов, выйдя в отставку, становится добродушнейшим Ивановым Никифоровичем. Смердяков в отставке немислим. Его гложет жажда деятельности. Он пуст, как шелуха, и томительно чувствует свою пустоту. Ему кажется, что он по-пироговски наполнится бытием, заняв место. Но место неспособно наполнить бездонную пустоту дьявола и кажется поэтому незначительным. Нужно непременно первое место: директора, генерала, фюрера и рейхсканцлера. Но и это место не успокаивает его.

Он продолжает действовать, метаться, интриговать. Всякое ведомство, всякое царство слишком мало для него.

⁹ Там же, стр. 95.

¹⁰ Там же, стр. 96—97.

¹¹ Там же, стр. 98—100.

¹² Там же, стр. 102—103.

Кажется, что ему нужен весь мир. Но если бы все планеты, все звезды, все галактики подчинились ему, он еще раз почувствует свою пустоту и тогда, наконец, поймет, что ему нужно только одно: удавиться.

Жить для Смердякова — значит руководить. Руководить — в смысле запрещать, указывать, пресекать, карать. В конечном счете — разрушать. И если создавать, то только средства полного, всеобщего разрушения.¹³

Смердяков всего лишь тень, он без нас немислим, но он страшен, если мы сами напитаем его нашими соками, сами его воплотим, дадим ему возможность отделиться от нас, зажечь своим собственным существованием, больше того: дадим ему власть, ибо на меньшее он несогласен.

«Рядом со Смердяковым, как известно, стоит Иван Карамазов. Павел Федорович ему многим обязан и в хорошую минуту называет себя учеником Карамазова, карамазовцем. Но действительной власти Ивану не дает. А на старости лет, становясь подозрительным, душит.

Отношение Ивана к Павлу Федоровичу еще более странное. Сперва он пренебрегает Смердяковым, потому что Смердяков глуп. Но глупость, в известном смысле, сила. Тонкий Иван говорил: «все позволено» — и ничего себе не позволял. А Смердяков, прикидываясь дурачком, обвел его вокруг пальца и сел в хозяйское кресло».¹⁴

Севший в хозяйское кресло Смердяков заставляет Ивана вылизывать языком пол, особенно, если у Смердякова по-восточному ревнивый характер.

«И тогда, наевшись грязи, иваны начинают думать: А, может быть, в этом и есть сермяжная правда? Может быть, в лакействе — истина (классовая, национальная, религиозная?). И Смердяков — гений? И, в конце концов, современный Иван начинает добросовестно верить в гениальность Смердякова, и крушение этой веры становится для него тяжелым ударом.

Поэтому так грустно читать, как молодые карамазаччо (или бернардини) издеваются над смердяковщиной, поплеывают на рыл и гадов.

Аргументы молодежи тонки, язвительны, блестящи — но мне хочется спросить их: да, но все позволено? — все позволено для... Неважно для чего. Если все позволено, то через двадцать лет после победы вы сами будете слышать языком пыль и находить в этом смысл...»¹⁵

Такова галерея интеллектуалов, проходящая перед нашими глазами из-под пера Померанца. Не очень утешительное зрелище. При этом не надо забывать, что ведь народа-то больше нет. При всех его недостатках прежде народ все же еще как-то носил в себе Бога, и, может быть, и был смысл в стремлении окунуться в него (хотя нужно сказать, что Толстой при этом потерпел крушение). Теперь же вообще осталась одна масса, а она пуста. Окунаться в нее — означает окунаться в пустоту. Нет, не окунаться в массу надо, говорит Померанц, но, напротив, уйти из нее, уйти в себя, укрепиться в себе. Затем найти друзей, пруппу единомышленников, и уже значительно позже вернуться в массу. «Вернуться как власть имущие, вернуться как боги, знающие добро и зло, способные вдохнуть душу в вязкую глину».¹⁶

Но кто же будет уходить из толпы, кому суждено возвращаться «власть имущими»? Избранным из всех слоев общества, «людям без прилагательного»? До известной степени да, но лишь в виде исключения, ибо согласно Померанцу есть все же целый избранный слой, и это опять-таки та же интеллигенция!

«И нынешняя масса вполне может оструктурироваться, если появится стержень, веточка, пусть хрупкая, вокруг которой начнут нарастать кристаллы. Вот эту роль веточки, опущенной в перенасыщенный раствор, я отвожу лучшей части интеллигенции...»

Отдельные настоящие люди складываются повсюду. Их на каждом шагу можно встретить и среди рабочих, и

среди крестьян. Но другого такого прогрессивного слоя, как интеллигенция, по-моему, нет».¹⁷

Померанц несколько раз подчеркивает, что он теперешнюю интеллигенцию совсем не считает целиком готовой к такой роли, напротив, она весьма непривлекательна, и все же, все же именно она — материал, не отдельные люди из ее рядов, но весь слой прогрессивный (каких только бед не было наделано с помощью этого слова!), она как слой представляет собой единственную надежду.

Эта интеллигенция должна уйти в диаспору. Наше время, когда, как в Вавилоне, смешиваются языки и исчезают народы, — это время диаспоры, особой, духовной интеллектуальной диаспоры. «Мы живем не в одной, а сразу в нескольких духовных мирах. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои. В нашем сознании европейская, суфийская, индийская, китайская мудрость лежат друг на друга, как торосы в Арктике».¹⁸ Вспомним в качестве иллюстрации «Китайскую стену» Макса Фриша, где сцена представляет собой мозг сегодняшнего интеллектуала, каких только лиц и времен на ней не встретишь!

И вот как раз в России, несмотря на всю тяжесть ее положения, Померанц усматривает традицию, которая дает право надеяться на интеллигенцию, на этот прогрессивный слой. Разве русская интеллигенция не была всегда особой? Разве это слово «интеллигенция» в русском языке вообще когда-нибудь соответствовало тому же слову в других европейских языках? В дополнение к Померанцу напомним, сколько русские мыслители трудились над тем, чтобы дать определение русской интеллигенции, Г. Федотов, Ф. Степун и многие другие. И иностранцы это заметили и выделили, на что указывает Померанц: «Англичане пишут курсивом слово «интеллигенция». Оно пришло для них из России, из русской культуры. И каждый раз, когда я встречаю эту «intelligentsia», я испытываю какое-то чувство наивной радости».¹⁹

Да, не только англичане, немцы, например, тоже пишут это слово с русским окончанием и нередко курсивом и имеют при этом в виду только русскую, особую, своеобразную интеллигенцию. Но Померанц, испытывая чувство наивной радости, не знает, что слово это в западной Европе употреблялось совсем не обязательно в положительном смысле. Вплоть до последнего времени, вплоть до появления на Западе своей «интеллигенции», предсказанной С. Булгаковым еще в 1909 г.²⁰ Это слово обозначало, хотя и жертвенно, и идеалистически настроенную, но одновременно идеологизированную, максималистскую, стремящуюся неразумно к утопии, конформистскую и не желающую трудиться интеллигенцию. Интеллигенцию, не понявшую ни Константина Леонтьева, ни Владимира Соловьева, но поколениями увлекавшуюся Чернышевским, интеллигенцию «нового человека» этого самого Чернышевского, т. е. гомункулуса, по выражению самого же Померанца. И в курсиве иностранных языков лежало не уважение, а слегка презрительная отчужденность по отношению к странной и опасной, интересной только на расстоянии, как и все «экзотическое», немножко сумасшедшей русской интеллигенции, недоучившимся студентам, которые, несмотря на недостаток знаний, как дважды два четыре знают, что надо делать, чтобы «спасти весь мир».

Да, именно таким было отношение к этому курсиву еще недавно. А теперь и на Западе появилась, похожая на эту прежнюю русскую, молодая интеллигенция, или интеллектуалы, как их называют. Теперь уже, наоборот, это западное слово надо переносить в русский язык и, может быть, писать курсивом. В интеллектуалах, правда, нет жертвенности прежней русской интеллигенции, но всех остальных признаков в ней хоть отбавляй. Во что превращается недоучившийся студент, «знающий наизусть» решение всех мировых проблем, если из него еще

¹³ Там же, стр. 105—106.

¹⁴ Там же, стр. 109.

¹⁵ Там же, стр. 110.

¹⁶ Там же, стр. 102.

¹⁷ Там же, стр. 146.

¹⁸ Там же, стр. 161.

¹⁹ Там же, стр. 173.

²⁰ С. Булгаков, Героизм и подвижничество, сборник «Вехи», СПб, 1909.

вынуть жертвенность, это мы в Западной Европе можем видеть на каждом шагу. И после чтения Померанца тип этот нам кажется таким знакомым: да это же карамазачко и бернардини, и многие из них уже сорвались с орбиты, но не имея еще пока власти резать людей en gros, они ограничиваются поджогами и набегами на банки, укрываемые и поощряемые всевозможными иванами, еще не понявшими, что в числе их подзащитных не только бернардини, но и смердяковы, которые их скоро заставят вылизывать языком пол.

Нет, конечно, не на такую интеллигенцию возлагает надежды Померанц. Но ведь «интеллигенция»-то курсивом как раз в такую и выродилась, еще в России. Ведь это же порочный круг, из которого нет выхода, как только интеллигенция возмнит себя «прогрессивным слоем» и захочет стать «богом, знающим добро и зло».

С. Франк писал в своей книге «Крушение идолов» (Берлин, 1924), в какую карикатуру выродилась эта интеллигенция, начавшая с самых возвышенных идеалов. Как односторонне она думала, как конформистски бичевала каждого мыслителя, пробовавшего сказать свое, оригинальное, живое слово, как слепо ненавидела всех, кто не разделял ее собственного понятия о добре и зле. Мягкий и любвеобильный русский интеллигент превратился в узколобого, тупого, злого, фанатичного революционера, пишет Франк.

Нет, видимо, желание «стать богами» не проходит без наказания.

«Интеллигенция курсивом» породила левых интеллектуалов на Западе. Иван породил Смердякова, а последний осилил Ивана. Ведь понял же это Померанц, глубоко понял и выразил так хорошо, как редко кто смог бы это сделать. (Что же вернуло его «на круги своя», к наивной радости по поводу «интеллигенции курсивом»?)

Померанц надеется на одиночку, на веточку, обрастающую кристаллами, и везде видит вспыхивающие огоньки этой надежды. *«На этого одиночку я и рассчитываю. Я нахожу какие-то огоньки надежды то там, то сям. Мне кажется, что путешествие всемирной литературы на край ночи подходит к концу. На запретной полосе, перепаханной модерном, поднялось и несколько ростков жизни: «Маленький принц» Сент-Экзюпери, некоторые герои Сэлинджера. Принц попробовал жить на старой земле и не сумел. Но через несколько лет появились братья и сестры Гласс. Первый, Сеймур, не выдержал, а остальные живут. Живут без всяких народных корней. Даже без надежд схватиться за народ как источник мудрости. Если они чувствуют потребность в примере, то прямо обращаются к Христу. И если Сэлинджер думает о своем читателе, то вместо туманного обращения к народу, просто говорит: надо писать так, чтобы тебя прочитало как можно больше старых библиотечарш. И рядом с новыми, замодернистскими сэлинджеровскими мальчиками действительно оказываются лучшие старые люди, домодернистские, простые люди, те, которые не приняли причастия буйвола, остались верными Агнцу. Сэлинджер и Бёлль стоят в сегодняшнем мире где-то совсем рядом.»*²¹

Сэлинджер и Бёлль! «Маленький принц» — прелестен. Герои Сэлинджера живут одиночками и обращаются прямо к Христу. Это хорошо. Но сколько так можно выдерживать? И всегда ли знает одиночка, обращающийся к Христу, что и ответ он получит от Христа, а не от его антипода, великого Imitator Dei — дьявола? В одиночестве так часто мешаются чувства и интуиция ослабевают.

Пусть меня не поймут неправильно: дело не в народной мудрости, она совершенно также может обмануть, дело не в возвращении к народности, к этому я не зову и хочу это оговорить сразу же. Но вот насчет одиночки — ведь закончилось Генрихом Бёллем, человеком, заступавшимся за банду «сорвавшихся с орбиты бернардини», банду левоидеологических поджигателей и убийц и откавившимся заступиться за осужденного Владимира Буковского. Человеком, пожелавшем инакомыслящему, издателю Шпрингеру, чтобы он в Сочельник подавился рыб-

ной костью, и тут же признавшийся, что он собирается поехать в Москву, где его книги издаются такими большими тиражами, признание, объяснившее его «мудрое» умолчание в деле Буковского. И этот человек — «огонек надежды»?!

Тут, конечно, играет роль незнание Запада со стороны Померанца, вполне понятное, объяснимое незнание. Но есть и другое: человек-одиночка, порвавший с тем обществом, которому он принадлежал, и ушедший в себя, чтобы вытягивать самого себя за волосы из пустоты, скатился к такому конформизму, такому духовному примитивизму, такой моральной трясине, прилепился к такому идеологизированному обществу, по сравнению с которым то общество, которому он себя с презрением противопоставил, — чуть ли не идеал свободной духовности. Повторим вопрос Евгения Петровича князю Мышкину: частный случай это или нет? Думаю, что это — не частный случай, а неизбежность.

Ориентир одиночки — его совесть, неоткуда взять другой. Даже, чтобы ответить себе самому, пришел ли ответ, обращенный к Христу, от Него Самого или от иного духа, надо спросить свою совесть — больше одиночке некого спросить. Так вот эта совесть — не что иное, как соведение, совместное знание добра и зла, с о в м е с т н о е, уже имеющееся, а не должествующее еще быть выработанным в клаузуре. Это не игра на «случайности» русского языка, и другие языки выражают то, что и хочет сказать это слово: *con-scientia* по-латински и соответственно происшедшие от него французское и английское слово, немецкое *Gewissen*, где старая приставка *Ge* соответствует сегодняшней *Mit*.

Совместное знание — кого и с кем? Инстинкт рода? Традиции племени и народа, создавшие архитипы Юнга? Или же изначально, Богом данное не одному народу — у Апоки также могло сокрушиться сердце, как, скажем, у Германского рыцаря — и не одному слою, не только интеллигенции, и, тем более, не только одиночкам. Ведение, знание, часто заглушавшееся, искажавшееся, забывавшееся, но никогда до конца не убитое. Как писал Романо Гуардини: «Опять встает вопрос: создает ли человеческая жизнь впечатление, что она связана нравственными законами? Что Бог действительно господствует над совестью? У некоторых людей — да; в каждом человеке в известном отношении и в известное время; во всей совокупности бытия — таким образом, что нравственный закон все время напоминает о себе и, несмотря на пренебрежение им, нарушение и отрицание его, разрушить его нельзя.»²²

В состоянии ли одиночка жить «на третьем уровне»?

«Это — уровень совершенной легкости и совершенной заполненности. То, что тождественно миру, свободно, не определяется ничем внешним и в то же время лишено собственной воли. Рамакришна сказал: «Бог, один Бог дает все. Вы можете сказать, что в этом случае человек свободен от ответственности. Но это неправда. Если человек твердо уверен, что только Бог — деятель и что сам он ничто, тогда он никогда не сделает ложного шага.»

Примерно то же сказал Августин: «Полюби и делай, что хочешь». Полюбив, перестаешь думать о своем. Думаешь о том, что любишь. О мире, о Боге (все равно, как это называть), о жизни. И хочешь того, что оно диктует, насколько ты можешь понять его язык.

Да будет воля Твоя, а не моя.

Все проблемы жизни остаются, но они теряют вязкость, перестают запутывать. Всегда есть прибежище в несотворенном, неразрушимом, в том, что большинством людей вовсе не ощущается, что для них — ничто.

Время остается, но оно легко. Заповеди остаются, но не как внешний, а как внутренний закон, и охраняет его не страх, а любовь. «Совершенная любовь изгоняет страх».

Никто не мешает нарушать все десять заповедей, и знаешь, что иногда придется сделать это: порвать с отцом и матерью, полюбить жену друга. Но не сделаешь этого до последней крайности, схватившей за горло. Потому что

²¹ Г. Померанц, цит. соч., стр. 168—169.

²² Р. Гуардини, *Познание веры*, Брюссель, 1955, стр. 49.

грех, даже если нужно принять его на душу, остается грехом. Всякий грех, даже тот, не сделать который было бы еще большим грехом, трусостью, низостью, раскрывает ворота зла. Иную старушку не только можно — надо убить. Никто не бросит камня в полковника Штауфенберга. Но вслед за старушкой идет под топор Лизавета, и если не под твой собственный, то под топор другого. Ты ввел в мир убийство. Все вакханалии зла начинались с необходимых действий, с жертвы, принесенной на алтарь исторической необходимости.

Поэтому каждый грех требует искупления, и не только внешнего, обрядового, а всеми силами души. И жизнь на третьем уровне — не только вечная радость, но и вечное страдание, искупление грехов, чувство вины перед каждым, которому не можешь помочь, кого ударил и обидел, не мог не ударить и не обидеть. И еще какой-то вины, которую нельзя описать, если не сказать: вины перед Богом. Потому что ты Его бьешь, кого бы ты ни ударил. И если ты не чувствуешь этого, ты не знаешь Бога. Это одно из самых главных имен Его: Тот, Кого ты бьешь, кого бы ты ни ударил. Я не говорю: не твори зла, не бей. Нет, бей, если это нужно, но помни, Кого ты бьешь.

Нельзя сделать ни одного шага без зла; но нельзя привыкать к этому, оправдывать себя, перестать чувствовать зло как зло. Смертный грех — самодовольство, респектабельность, самооправдание логикой, необходимостью, прогрессом.²³

А как же с прогрессивным слоем? Ясно и к нему обращено: не привыкай ко злу, не занимайся самооправданием. Ну, а что если он поверит в то, что он и в самом деле — прогрессивный? Что если он поверит, что только ему ведомо добро и зло? А вот тогда-то и наступит конец — даже если он вначале и в самом деле был прогрессивным. И чем выделение интеллигенции как слоя отличается от марксистской фетишизации пролетариата? Нет, нет у Померанца совсем не так грубо, не так примитивно, червячок едва заметен среди столь многих прекрасных высказываний, но от этого-то он еще опаснее.

И ведь знает же Померанц где-то в глубине души своей, что одиночки из привилегированного слоя не вытянут ни самого слоя, ни, тем более, массы.

«Карамазовы — это не только Иван. Есть еще и Алеша и есть Митя. Каждый из братьев — задача для Ивана. Самая простая и самая трудная — Митя. Всего только надо понять, что Митя — брат твой. И тогда ты действительно будешь то, что думаешь о себе, не думая об этом вовсе. А сейчас ты пуст, хотя думаешь о человечестве. Это человечество — только поле твоего собственного я. Ты можешь быть совершенно искренним в любви к нему (то есть к самому себе), ты можешь жизнь отдать ради него — и не стать ближе ни к одной живой душе, оставаясь в ослепительном одиночестве. А когда солнце разума перестает освещать по ночам, к одинокому приходит дьявол.

Понять все это можно только сердцем, не умом. Только сердце может подсказать Ивану, что существование другого — не только скандал; что в другом (даже если он молчит или говорит невнятно) может открыться тебе твой собственный второй глаз, и ты вдруг увидишь такое, чего раньше, одним глазом, не видел, и ты тогда поймешь, что был просто-напросто кривым, уродом, хотя очень умным. И очень умно рассуждал о том, чего не видел.

Этой самой простой своей задачей — увидеть мир двумя глазами — Иван просто не сознает. Люди нужны ему только как слушатели. Люди шумные, беспокойные, не умеющие прилично себя вести, не только не нужны, а прямо противны. Некоторый интерес представляют идеологи. Но Митя — не идеолог; о чем с ним говорить?

Поэтому приходится начинать с другого конца, с младшего брата, Алеши. Алеша идеолог, и очень необыкновенный, хотя еще совсем сбивающийся в словах. Алеша один из всех братьев вне власти Павла Федоровича. Он владеет тайной, нужной всем, но он не умеет передать ее: Может быть, он скорее чувствует правду, чем видит ее; может

быть, это такая правда, которую нельзя объяснить, нельзя высказать словами, понятными каждому».²⁴

«По ночам к одинокому приходит дьявол» — пока одинокий еще знает, что это — дьявол, все ничего, все поправимо, но вот, если он голос дьявола в ночной тиши примет за голос Христа и подумает, что он стал как бог и теперь призван идти в массу, вдохнуть в нее душу, тогда-то и начинается беда. Все «великие инквизиторы» всех времен и направлений вышли из этого искушения, стоящего у истоков человечества. Или Померанц этого не знает?

Ведь Алеша нашел «правду, нужную всем», не в гордом одиночестве, а в монастыре, не стремился «стать как бог», а смиренно принял то, что дал Бог, и принял это в общине, в братстве, открывшем себя со-ведению. Померанц догадывается: «может быть, это такая правда, которую объяснить нельзя». Да, только словами ее объяснить нельзя. Слова — такое же вспомогательное средство, как и многое другое, но для восприятия этой тайны одного интеллекта недостаточно: для этого нужно сердце. Оно сначала должно быть открыто, любяще, тогда и интеллект сможет понять слова. Или сердце просто почует истину. А иначе все слова соскользнут с поверхности интеллекта, как шелуха, самые лучшие, самые умные, самые правильные слова скользнут по самому развитому интеллекту и не дадут плода, как те семена, которые упали на камень. И это знает Померанц: «Всего только надо понять, что Митя — брат твой». А разве интеллектуалу это легче понять, чем простому человеку? Полно. Кто сказал, что у интеллигента больше сердца? Иван — типичный интеллигент, а ему-то и труднее всего понять эту простую истину.

Но простых людей больше нет. Тех простых людей, которые сердцем понимали больше, чем интеллигентные умы, говорит Померанц. Иваны Денисовичи и Матрены — лишь единицы, вымирающие типы. Масса, мещанство, страшное мещанство, разливается по земле. Но а разве Иван не мещанин? «Ведь я же не лакей. Каким же образом я смог породить такого лакея?» В самом деле, не лакей? Надо понять, что среди широкого слоя, именно слоя, современной интеллигенции, интеллектуалов, не меньше мещанства, чем в других слоях населения. Разве Генрих Бёльль не мещанин? Не злой, мелкий, нетерпимый мещанин? Да, он воплощение интеллектуального мещанства. Полуобразованность в ее истинном, тяжком понимании — не только удел лавочников и торгашей, она еще в большей степени, да, в большей, удел специалистов, даже высококвалифицированных специалистов, в том числе и «работников пера», не только в коммунистических государствах, но часто и на Западе. Д. Мордухай-Болтовской²⁵ прав: в отношении интеллекта между людьми не так много разницы, а потому в наше время столько людей выжимает из своего ограниченного интеллекта последние соки, чтобы овладеть своей разросшейся до необозримых размеров специальностью, и в результате — годный специалист во всем остальном недоучка, полуобразованный бернар, который пишет трактат за трактатом, и ему даже некогда беседовать с чертом. Так откуда же может взяться «самый прогрессивный слой» интеллигенции?

Молодые авторы, так же, так и Померанц, приславшие нам свои весточки «с той стороны», смотрят на интеллигенцию реалистичнее. О. Алтаев в своей статье «Интеллигенция и псевдокультура»²⁶ предпослал слова из письма Цветаевой к Пастернаку: «Борис, не люблю я интеллигенции, не причисляю себя к ней». Какой человек с сердцем и душой на Западе захочет причислить себя к «интеллектуалам», этой левоидеологизированной, узколобой и нетерпимой разновидности, типичным представителем которой является Генрих Бёльль?

М. Челнов в статье «Как быть?» предлагает устраивать тайные христианские братства, которые действовали бы в виде орденов. «Нужно объединяться в братства, действовать в духе и силе религиозных орденов, со времен сред-

²⁴ Там же, стр. 110—111.

²⁵ «Зарубежье», № 3—4 (31—32), сентябрь—декабрь 1971, стр. 14.

²⁶ Там же, № 1 (29), март 1971, стр. 3.

²³ Г. Померанц, цит. соч., стр. 83—84.

невековья оказывавшихся неизменным орудием западной Церкви, силой, восстанавливающей в вере и вновь собирающей отпавшие народы. Только такие ордены, отказывающиеся от политических задач, от власти и насилия, неизбежно жертвенные, утверждающие себя в качестве духовно-нравственной силы, противостоящей господствующей коммунистической лжецеркви и активно осуществляющие воплощение добра и правды Христовой, могут вывести Россию из нынешнего духовно тупика.²⁷

И такие братства уж наверно не стали бы привилегией интеллигенции. Нет, в них были бы приемлемы все, кто понял, что «Митя — брат мой», в том числе и лавочники, или в современной России «работники прилавка». Да, и они. Пора оставить высокомерное убеждение, что мещанство тесно связано с каким-либо родом деятельности или ступенью формального образования. Мещанство, как к своему ужасу начал понимать один из самых горячих борцов против него, Александр Герцен, — это известное духовное направление, которое является *privilegium odiosum* в

²⁷ Там же, № 2 (30), июнь 1971, стр. 17.

одинаковой мере всех слоев общества, в том числе и «самого прогрессивного» слоя интеллигенции.

И если братства Челнова начнут зарождаться, то я боюсь, что как раз интеллигенции в них будет не так-то уж много. Достаточно бросить взгляд на уже существующие, тонимые и теснимые, так часто стойкие и порой героические, баптистские общины. Большой там процент интеллигенции?

Нет, ушедший в клаузуру «копающий в глубину» — в пустоту? — колодец интеллигент не сможет совершить Сизифов труд, как об этом мечтал еще молодой Иванов-Разумник.²⁸ Камень скатится обратно в болото бернардов или, еще хуже, туда, где «сорвавшиеся с орбиты бернарды» режут уже не лягушек, а людей.

За «тайной, нужной всем», следует идти в монастырь, в прямом или переносном смысле слова.

²⁸ Иванов-Разумник, История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в., СПб, 1909.

ВЛАДИМИР САМАРИН

Самиздат

1.

В августе 1960 года в Эрмитаже, в Ленинграде, бедно одетый человек, смешавшись с толпой иностранных туристов, передал туристке-француженке какой-то пакет. Француженка испугалась и бросила пакет на пол. Человек, передавший пакет, был Михаил Нарица. В пакете была рукопись его повести «Неспетая песня». На допросе в милиции, куда оба были доставлены, француженка — к чести ее — отказалась подтвердить, что рукопись передал Нарица. Сам Нарица тоже отрицал авторство рукописи. Оба были отпущены.

В августе и сентябре того же года Михаил Нарица сделал еще несколько попыток переслать свою рукопись за границу — и попытки эти увенчались успехом. В феврале 1961 года рукопись повести «Неспетая песня» была передана, через немецкого социолога проф. Менерта, в редакцию «Граней» и опубликована в 48-й книжке в июле 1961 года. На конверте с рукописью было обращение на четырех языках — русском, немецком, английском и французском — к иностранцам, посещающим Советский Союз, — обращение-просьба вывезти рукопись из Советского Союза.

Михаил Нарица знал, конечно, о грозящих ему репрессиях, но не побоялся их: в сентябре 1960 года он послал рукопись Хрущеву. И публиковать за границей просил под своей фамилией. Редакция «Граней» опубликовала его «Неспетую песню» все-таки под псевдонимом — Михаил Нарымов.

В октябре 1961 года Михаил Нарица был арестован. Началась жизнь между тюрьмой и сумасшедшим домом. Михаил Нарица не профессиональный писатель. Он скульптор, художник. И повесть его не столько художественное произведение, сколько человеческий документ, голос подсоветского человека, сына крестьянина, репрессированного во время ежовщины, всю жизнь бедствовавшего и всю жизнь подвергавшегося преследованиям. Михаил Нарица — один из пионеров Самиздата. У него не было никаких связей ни в советских оппозиционных, ни в зарубежных литературных кругах. Он был одинок и в полном одиночестве бросил вызов режиму. Одним из первых был арестован и пошел истинно мученическим путем: тюрьма, сумасшедший дом, непрерывные преследования и на воле, бедственное положение семьи. Его подвиг — мы можем говорить теперь именно о подвиге — был вдохновляющим.

2.

Трудно сказать, чей голос был первым услышан за границей. Подпольная литература существовала в Советском Союзе всегда, но никогда не было такого размаха самиздатовской деятельности. Еще в первый год войны в занятых немцами областях, в русской печати, была опубликована анонимная, фольклорная по сути поэма-сатира «Марксиада», ходившая по рукам в машинописных списках еще до войны.

В повести Эренбурга «Оттепель», опубликованной в «Знамени» в 1954 году, есть подпольный художник. Свои полотна, свернутые рулонами, хранит он для будущего, показывает только друзьям.

В 32-й книжке «Граней», вышедшей в конце 1956 года, опубликована — под псевдонимом Александр Иванов — подборка стихов из России «Узкою тропею». Стихи эти вывезены были в Западную Германию бывшим заключенным советских концлагерей. Об авторе стихов известно, что был он перед арестом студентом-литератором. Принадлежал к одному из литературных кружков. В заключении написал массу стихов. Часть из них и была вывезена товарищем по заключению, вырвавшимся с коммунистической каторги.

Стихи Александра Иванова, написанные, очевидно, еще в сталинскую эпоху, полны пессимизма:

Умираю... Ты не спишь?
Молчанье...
Ветер стонет хрипло
за окном.

Хриплые голоса отчаяния, прорвавшиеся тогда через железный занавес, скоро сменились голосами надежды.

В 34-35-й книжке «Граней», вышедшей в апреле 1957 года, снова стихи из России. Это глубоко религиозные стихи, которые кончаются знаменитыми строками:

Я в гроб сойду и в третий
день восстану
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Когда эти строки впервые были опубликованы за границей, автора их не знали, но любители поэзии понимали: стихи принадлежат большому мастеру. Меньше, чем

через год, стало известно: это стихи Бориса Пастернака, из его романа «Доктор Живаго». Когда в 1956 году редакция «Нового мира» не приняла роман «Доктор Живаго» к печати, Борис Пастернак передал рукопись за границу, а летом 1958 года роман вышел по-итальянски в прокоммунистическом издательстве «Фельтринелли» в Милане, это же издательство напечатало роман на русском языке, а вскоре появились издания и на других языках. Роман вышел также на русском языке в издательстве Мичиганского университета.

Пастернак стоял вне политики, всю жизнь служил только искусству, и в романе его нет призывов к борьбе. Есть только картина гибели русской интеллигенции, есть человек, живущий в состоянии психической раздвоенности. «Подавляющее большинство из нас, — говорит Пастернак в главе «Заключение, — принуждено жить в состоянии постоянной и систематической раздвоенности».

Необычайный успех романа «Доктор Живаго» за рубежом объясняется, надо полагать, прежде всего тем, что это было первое попавшее за границу значительное произведение, написанное в Советском Союзе русским писателем, свободным от коммунистических догм. Осенью 1958 года Пастернаку была присуждена Нобелевская премия.

В Советском Союзе началась организованная по решению руководства КПСС, травля писателя. Раздув дело Пастернака, советская пропаганда сама же и привлекла к нему внимание широких кругов интеллигенции и особенно молодежи.

С 1958 года заметно усиливается поток литературы, прорывающей железный занавес. В 39-й книжке «Граней», вышедшей в июле 1958 года, снова стихи религиозного и философского содержания, опубликованные под псевдонимом П. Востокова. В них тема вечной России, человечности, Бога.

Русь! Подвижники твои —
Свет во тьме и ночью зимней.
Именуем в темноте
Их немеркнущее имя.

Автор, ученый, философ, узник советских концлагерей, сам являет собой пример подлинного подвижничества, непреклонного стояния за веру.

Редакция получила объемистую рукопись П. Востокова, и часть стихов его вышла отдельной книжкой в Париже.

Последнее стихотворение этого сборника, датированное 1957 годом, обращенное к вечной России, кончается такими строками:

И лишь к тебе, моя страна родная,
Был обращен и делом и мечтой.
И вот стою, главу свою склоняя,
В пыли дорог, смиренно пред тобой.

И Борис Пастернак и П. Востоков принадлежат одному поколению.

Иное звучание стихов поэтов нового поколения, не сломленных властью. Их голос прозвучал во всю свою силу в подпольном журнале «Феникс, 1961», опубликованном за границей в 52-й книжке «Граней» в 1962 году.

Это поколение знает:

Впереди еще столько драк,
Сенатских площадей и пуль ливней!

Оно понимает:

Пускай нас мало!
Мы ждем! Мы верим!
Пусть мы погибнем!
Наш час настанет!

Это поколение (стихотворение Н. Нора «Моим друзьям») говорит:

Нет, не нам разряжать пистолеты
В середину зеленых колонн!
Мы для этого слишком поэты,
А противник наш слишком силен.
Нет, не в нас возродится Вандей
В тот грядущий, решительный час!
Мы ведь больше по части идеи,
А дубина — она не для нас.

Нет, не нам поднимать пистолеты!
Но для самых решительных дат
Создавала эпоха поэтов,
А они создавали солдат.

И это же поколение (поэма Юрия Галанскова «Человеческий манифест») призывает:

Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
О, алая кровь бунтарства!
Идите и доломайте
Гнилую тюрьму государства.

3.

Еще не затихло «Дело Пастернака», еще вся мировая печать продолжала писать о нем, и повторными изданиями выходил его роман «Доктор Живаго», как из-за железного занавеса прозвучал новый голос, а в КГБ, в тех службах, которые ведают борьбой с подпольной литературой, появилось новое дело. В мае 1960 года, в Париже, в польском зарубежном журнале «Культура», в номере на русском языке, посвященном польско-русским отношениям, была опубликована повесть Абрама Терца «Суд идет». Вслед за ним скоро появилось еще одно имя — Николай Аржак. Это его герой спрашивал:

«Ну, а эти, толстомордые, заседающие и восседающие, вершители наших судеб, наши вожди и учителя... Как с ними быть? Неужто простить? А тридцать седьмой год? А послевоенное безумие, когда страна, осатанев, билась в падучей, кликушествовала, пожирая самое себя?» И отвечает: «Нет, нет, нет, с ними надо иначе: ты еще помнишь, как это делается? Запал. Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь — бросок вперед. На бегу — от живота, веером. Очередь. Очередь. Очередь. Вот они лежат — искромсанные взрывом, изрешеченные пулями».

За рубежом поползли слухи: под псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака скрываются не советские писатели, а эмигранты-литераторы. Слухи, циркулировавшие в эмиграции, держались долго, проникли, конечно, и в Советский Союз. В № I советского журнала «Иностранная литература» за 1962 год критик-сталинец Б. Рюриков, в статье «Социалистический реализм и его ниспровергатели», по поводу повести Абрама Терца «Суд идет» и его статьи «Что такое социалистический реализм?» писал: «перед нами шумная антисоветская фальшивка, рассчитанная на не очень взыскательного читателя».

Нет худа без добра... И слухи, распространявшиеся эмигрантами, глухими к творческому слову, и статья Б. Рюрикова — ввели наверно в заблуждение тех полковников КГБ, в сейфах которых лежали папки с делом Абрама Терца и Николая Аржака, и арестованы они были только в 1965 году.

Повести «Суд идет» и «Любимов», «Фантастические повести» и статья «Что такое социалистический реализм?» Терца-Синявского, повести «Говорит Москва» и «Искупление», рассказы «Руки» и «Человек из МИНАП-а» Аржака-Даниэля вышли за рубежом в издательстве Международное Литературное Содружество, которое возглавляли проф. Г. П. Струве и писатель Б. А. Филиппов.

Рукописи, распространяемые в Советском Союзе Самиздатом, попадая за границу, выходять типографским способом — и в виде книг возвращаются в Советский Союз. Книги и журналы, выходящие таким образом за границей, в Советском Союзе называются Тамиздатом.

Материалы Самиздата, опубликованные в свободном мире, в наших эмигрантских изданиях, в изданиях на разных языках в разных странах, выпущенные отдельными книгами, настолько разнообразны, настолько обширна самиздатовская литература и публицистика, что требует уже систематического, научного исследования.

В данном обзоре мы ограничимся художественной литературой — поэзией, прозой, очерками, воспоминаниями.

Обширна литература Самиздата религиозная. За рубежом известны имена покойного Б. В. Талантова, А. Э. Левитина-Краснова, священников о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана.

Обширна также публицистика Самиздата. Широко известны имена А. С. Есенина-Вольпина, Григория Померанца, братьев Медведевых, генерала П. Г. Григоренко.

4.

В развитии собственно литературы Самиздата есть, на мой взгляд, три вехи, три имени: Борис Пастернак, Андрей Синявский, Александр Солженицын. Рядом с ними Иосиф Бродский, Юлий Даниэль, Наталья Горбаневская, Василий Гроссман, Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Владимир Буковский, Александр Галич, Владимир Батшев, Владимир Максимов и еще многие другие. Значительна книга воспоминаний Надежды Мандельштам. Бориса Пастернака заравили — и он умер, сделав все-таки свое большое дело. Андрея Синявского и Юлиа Даниэля судили и заточили в лагерь.

Значение процесса, проведенного по решению руководства КПСС над Синявским и Даниэлем, огромно. Процесс этот без больших натяжек можно назвать историческим, потому что впервые на политическом процессе в Советском Союзе обвиняемые не признали себя виновными. Этим процессом руководство КПСС, его карательные органы тщетно надеялись запугать свободомыслящую часть интеллигенции. Уже сам процесс вызвал поток протестов в различные правительственные инстанции, в редакции советских газет.

Все документы, связанные с процессом, распространились в списках по стране, уходили по разным каналам за границу. В это время, повидимому, и появился термин «Самиздат».

Участник оппозиционного движения Александр Гинзбург составил по делу Синявского и Даниэля «Белую книгу», переправил ее за границу, где она и вышла в 1967 году. Процесс Синявского и Даниэля нашел широкий отклик в мировой общественности. Против расправы над двумя писателями протестовали писательские организации разных стран, протестовали многие писатели. Процесс этот не запугал протестующую часть интеллигенции. Поток самиздатской литературы только усилился.

Если Андрей Синявский и Юлий Даниэль, рискуя свободой, переслали — под псевдонимами — свои рукописи на Запад, то Александр Солженицын, возможно, и не рассчитывая на успех задуманного, отдал рукопись повести «Один день Ивана Денисовича» в редакцию «Нового мира». Повесть появилась в этом журнале не потому, что деспотический коммунистический режим стал режимом демократическим, а потому, что группировке Хрущева в борьбе против сталинистов нужны были документальные данные — и таким документом, обличающим сталинщину, была повесть Александра Солженицына.

После выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича» в редакцию «Нового мира» и в редакции других журналов хлынул поток рукописей-обличений. Среди них был и «Раковый корпус» Солженицына, и «Крутой маршрут» Евгения Гинзбург. Процесс разоблачения сталинщины, а, следовательно, и разоблачения самого режима, между тем, был властью остановлен, и сотни, а может быть, и тысячи рукописей, полученных редакциями журналов, из редакционных портфелей попали в сейфы КГБ.

В 56-й книжке «Граней» за 1964 год были помещены «Этюды и крохотные рассказы», полученные из Советского Союза, где они распространялись как принадлежащие перу Солженицына. Позже подтвердилось, что эти пятнадцать маленьких рассказов-миниатюр, может быть, самое лучшее в его творчестве, принадлежат действительно Солженицыну.

Ни одно из крупных произведений Солженицына, как и крохотные рассказы, не было опубликовано в подцензурной печати СССР. И повесть «Раковый корпус», и романы «В круте первом» и «Август Четырнадцатого», и пьесы

«Свеча на ветру» и «Олень и шалаповка», и рассказы «Пасхальный крестный ход» и «Правая кисть» — все пришло по каналам Самиздата на Запад, все опубликовано здесь на многих языках.

Солженицын — третья веха на путях Самиздата. Его травили долго и упорно, провоцировали и угрожали, но судить не решились. Между тем, сведения, которые приходят в свободный мир, внушают немалую тревогу за его жизнь. Там, где он живет, есть сумасшедшие дома для нормальных людей, тюрьмы и концлагери. Там бывают преждевременные инфаркты и мастерски организованные автомобильные катастрофы, и иные, якобы несчастные случаи. Власти могут послать для ликвидации идейного противника, как это было с Мейерхольдом, под видом бандитов-грабителей, переодетых кагебистов. Над Александром Солженицыным висит постоянная смертельная угроза. И он сам и верные друзья его понимают это лучше нас, потому что лучше знают сущность режима.

5.

Литература Самиздата не одинакова по своей художественной ценности. Наряду с произведениями высокохудожественными в рукописях ходят по стране, попадают за границу и произведения невысокой художественной ценности. Среди множества стихов, даже среди тех, что появились в наших журналах, есть стихи, не представляющие собой ни художественной, ни политической ценности. Но таких — несовершенных — стихов немного.

Литература Самиздата неоднородна и по своей политической направленности, как неоднородна и публицистика. В публицистике мы видим целый спектр взглядов и концепций — от умеренной, в рамках советской идеологии, критики системы, без затрагивания ее основы, до критики глубинной, антимарксистской, антикоммунистической, начисто отмечающей коммунизм как идеологию, рубящей его под корень.

Литература Самиздата далека от чистого искусства, от искусства ради искусства. Если часть самиздатской поэзии — поэзия внешне аполитичная, то и в ней, в ее поисках новых форм, — отрицание социалистического реализма как единого и обязательного литературного метода.

Литература Самиздата пронизана тем, что называется политикой, в ней, по крайней мере в части ее, звучит такое категорическое отрицание коммунистического режима, какое не сразу найдешь в нашей эмигрантской литературе.

В книге невозвращенца Александра Варди «Подконвойный мир» утверждается, что решающим для продвижения, «для попадания в касту правящих было и есть одно: врожденная предрасположенность к злодейству и соответствующая житейская практика»; в книге утверждается, что Сталину нужно было «массовое уничтожение людей неслыханно мучительным способом». «Только это нужно царствующему садисту, — в гневе говорит один из героев книги, — дикарю, зверюге и всему правящему зверинцу».

Что же идет вообще в Самиздат?

В Самиздат попадает и распространяется, во-первых, то, что уже было в подцензурной печати. Так распространялся в Самиздате ставший библиографической редкостью номер «Нового мира» с повестью «Один день Ивана Денисовича». Так попали в Самиздат очерки Виктора Некрасова «За двенадцать тысяч километров», опубликованные в 1965 году в № 12 «Нового мира». Самиздат распространял те же очерки под авторским заглавием «О вулканах, отшельниках и прочем», не изуродованные цензурой. Сверка авторского текста с текстом, помещенным в «Новом мире», показывает, как энергично поработал над очерками цензор. Выброшены были отдельные слова, куски фраз, целые фразы, целые абзацы, целые страницы... И политически, и художественно очерки были оскоплены. Полный самиздатский текст очерков Некрасова опубликован в 74-й книжке «Граней» за 1970 год. Так попала в Самиздат и за границу сатирическая повесть братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Сказка о тройке».

В 1968 году повесть была напечатана в сибирском журнале «Ангара» (№ 4, 5). За опубликование повести главный редактор «Ангара» Ю. С. Самсонов был снят с поста, редколлегия разгромлена. В 1970 году «Сказка о тройке» была опубликована в 78-й книжке «Граней».

Бывает и так, что прошедшее через Самиздат попадает в подцензурную печать. Редко, но бывает. Так, в 47-й книжке «Граней», в июле 1960 года, были опубликованы стихи различных поэтов, но без имен авторов. Среди этих стихотворений было стихотворение без заглавия. В «Литературной газете» за 24 ноября 1962 года это же стихотворение помещено под заголовком «Бог», в числе пяти других стихотворений — известного поэта Бориса Слуцкого. Заключительные его строки:

Однажды я шел Арбатом.
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышинных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко.

Мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом.
С богом почти рядом.

В Самиздат идут, во-вторых, вместе с произведениями, ранее опубликованными, произведения не опубликованные, например сборник стихов и песен Булата Окуджавы, идут целые сборники стихов, среди них сборники Александра Галича, стихи одного из крупнейших поэтов в современной русской литературе — Иосифа Бродского.

В Самиздат идут произведения, отвергнутые цензурой. Так, Самиздатом распространялся, за границей издан на разных языках «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, отвергнутый редакцией «Нового мира». «Новым миром» анонсировался в свое время роман Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». На страницах «Нового мира» роман не появился. Распространяется Самиздатом.

Наконец, в Самиздат идет то, что только для Самиздата и предназначается. Одни вещи публикуются анонимно, другие под псевдонимами, третьи под настоящими фамилиями авторов. Повесть известного, талантливого писателя Василия Гроссмана «Все течет...» была передана в Самиздат только после смерти автора. Выпущена «Посевом» в 1970 году. В нашей печати о повести Гроссмана написано довольно много, но писали главным образом о спорном в ней, о ее тенденциях — возложить основную ответственность за преступления режима на народ.

Этот вопрос не только дискуссионный, но и историософский. По вопросу этому еще будут дискутировать, уже в самой литературе Самиздата идут дискуссии.

Бесспорно то, что в книге Гроссмана не критика частных, второстепенного — в ней беспощадно-правдивая характеристика правящих: «Всех их отличала энергия, воля и полная бесчеловечность». В книге Гроссмана безоговорочное осуждение режима, государства, которое «из слуги обратилось в угрюмого самодержца». В ней развенчание идола коммунистического новоязычества — Ленина, его характеристика: «Если представить себе Ленина-человека эквивалентного Ленину-политику, то возникнет характер примитивный и грубый — нахрапистый, властный, безжалостный, бешено честолюбивый, догматически крикливый». В Ленине, не только в Сталине, верном ленинском последователе, видит Василий Гроссман источник всего зла.

6.

Процесс развития литературы Самиздата можно определить как процесс цепной реакции.

Конечно, службы КГБ, которым было поручено Самиздат ликвидировать, как явление, несущее в себе смер-

тельную опасность для режима, делали все, чтобы выполнить это задание. Конечно, сексоты КГБ вклинились в начавшийся процесс, имена активных оппозиционеров КГБ известны. В Самиздат подбрасывались материалы, сочиненные литературными работниками КГБ. Но все это не остановило раз начавшийся процесс — и тогда начались аресты, начались закрытые и полужакрытые судебные процессы. Арестовать редакторов полулегальных журналов не представляло труда, потому что редакторы не скрывали своих имен, и редактор «Феникса» Юрий Галансков и редактор «Синтаксиса» Александр Гинзбург были арестованы.

Редактора «Сфинксов», автора яростного политического памфлета «Палата № 7» Валерия Тарсиса выслали за границу. Вокруг этой высылки в эмиграции писали многое. И в самом деле, высылка оппозиционного литератора — факт необычный. До войны был отпущен за границу по личному распоряжению Сталина писатель Евгений Замятин. То был каприз тирана. В случае с Тарсисом — неоправдавшийся расчет. Тарсис не сошел за границу с ума, на что, очевидно, рассчитывали в КГБ, чтобы советская пропаганда могла говорить: «Вот ведь кого мы сажаем в сумасшедшие дома — сумасшедших». Тарсис выступал с разоблачениями режима на международных форумах, в частности на Международном конгрессе пенклуба в Нью-Йорке в 1966 году, где он произнес яркую антикоммунистическую речь. Ныне он сотрудничает в швейцарской печати. Тарсис принадлежал к тем отчаянным, которых КГБ не мог запугать. Не запугали Есенина-Вольпина, Галанскова и Гинзбурга, Наталью Горбаневскую и Владимира Буковского. Одни выступают против режима открыто, другие передают в Самиздат свои произведения под псевдонимами, опасаясь репрессий. И это вполне понятно, и никаких упреков им никто никогда не бросал — ни за рубежом, ни в самом подполье.

И нужно понять тех, кто на судебных процессах, как это было на процессе Синявского и Даниэля, защищают себя с позиций отнюдь не антикоммунистических. Не против коммунизма, а только против сталинщины выступают многие оппозиционеры, и трудно бывает установить искренность их выступлений. Мы не знаем, как бы прозвучало их слово вне угрозы репрессий.

Повидимому свободное слово Самиздата еще не полностью свободно. Произведения Самиздата не проходят через цензуру КПСС, но они проходят авторскую самоцензуру, о которой хорошо говорил Анатолий Кузнецов на одном совещании в Лондоне.*)

В «Раковом корпусе» один из героев — Шулубин — говорит о некоем нравственном социализме как основе свободного общества. Но что сказал бы Шулубин, если бы автор жил в условиях полной свободы? И в тех условиях, в которых существует Самиздат, перед нами широкий спектр политических взглядов, различная степень заостренности критики режима. По-разному намечаются и пути преодоления идейного, политического и экономического тупика, в который привела страну правящая клика.

В талантливо написанных воспоминаниях-очерках «Крутой маршрут» Евгения Гинзбург, просидевшая 17 лет в сталинских концлагерях, дает потрясающую картину произвола, беспощадно разоблачает сталинщину, но основ, ее идеологии не трогает; уверяет читателя, что несмотря ни на что, идейные коммунисты оставались таковыми.

Галина Серебрякова, прошедшая тот же путь, что и Гинзбург, в очерках «Смерч», попавших в Самиздат, кажется, без ее ведома, тоже уверяет, что осталась правой коммунисткой, публикует в печати КПСС верноподданнические произведения.

Таким образом, в литературе Самиздата есть и такие произведения, авторы которых не хотят разрушать «гнилую тюрьму» режима, а думают о том, как бы отремонтировать, очеловечить режим. Но ведь и отремонтированная тюрьма остается — тюрьмой.

*) «Зарубежье», № 26, июль 1970 г., стр. 7-15.

В публицистике, в общественной своей деятельности с пожеланиями частичных реформ выступает академик Сахаров. Документы, выпущенные Сахаровым и созданным им Комитетом защиты прав человека, идут и в Самиздат, и за границу.

И «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург по сути, разоблачает не только сталинщину как этап развития режима, но и самую сущность его.

В другой части литературы Самиздата — глубинное разоблачение режима, его идейных основ, его практики. Книга воспоминаний Анатолия Марченко «Мои показания», роман Владимира Максимова «Семь дней творения» — это страшные для режима книги, разоблачающие режим, вскрывающие его прогнившие основы. В них нет призыва к свержению коммунистического режима, но, читая их, вспоминаешь «Человеческий манифест» Юрия Галанскова с его заключительными строками:

Идите и ломайте
гнилую тюрьму государства.

Не случайно и первый номер журнала «Феникс», журнала, издававшегося молодежью, открывается переводом поэмы Стефана Цвейга «Полифем».

Молодежь из редакции «Феникса» обращалась к коммунистическому Полифему:

Берегись, берегись, Полифем!
Мы уже обжигаем на огне острие.
Жри, пей, объедайся, Полифем,
Но когда ты заснешь,
Мы загоним кол в твой череп.
И, перешагнув через труп,
Выйдем мы,
Братья народов, братья времени,
Из пещеры ужаса и крови
Под вечное небо земли.

В романе Владимира Максимова «Семь дней творения» Крепс, бескомпромиссный враг режима, взволнованно говорит перед отправкой в страшную для каждого заключенного Казанскую спецпсихотюрьму: «... а в Казань все-таки гонят нас. Нас, а не титулованных литеральных борцов, состоящих на жаловании у государства! А ведь мы лишь несем Свет и Слово Божье. Мы для них страшнее. Во много раз страшнее фрондирующих физиков и полуподпольных лириков».

Идут, как видим, уже дискуссии между противниками режима разного политического накала. Либералы-реформаторы надеются на частичные уступки власти, мечтают о частичной демократии — их надежды не идут дальше надежд Дубчека. Радикалы-антикоммунисты никаких надежд на «правящий зверинец» не возлагают. Не скрывая ярости, они говорят о коренной ломке, о разрушении «гнилой тюрьмы» государства. Их «долгой» звучит гораздо громче, чем «да здравствует».

Контурсы послекоммунистического будущего едва вырисовываются. Все внимание сосредоточено на критике режима, который представляется в образе лютого зверя, врага человека.

На естественный, законный вопрос «А что же дальше?» ответ дает публицистика, отвечают программные положения некоторых подпольных организаций, например Всероссийского христианско-демократического союза, разгромленного, к сожалению, КГБ. Но программы политических организаций — вне темы настоящего обзора.

Литература Самиздата говорит о свободе, о демократии, о правах человека, ратует за них; в романе Владимира Максимова «Семь дней творения» есть гимн не социалистическому, а индивидуальному труду, не скованному коллективизмом. Там нет не только гимна капитализму как системе, но даже положительного слова о нем.

7.

О художественных достоинствах романа Владимира Максимова «Семь дней творения» можно спорить. Можно ука-

зать, например, на его композиционную рыхлость: он состоит как бы из шести самостоятельных повестей. Но, возможно, таким и был авторский замысел.

Владимир Емельянович Максимов родился в Ленинграде в 1932 году. Воспитывался в детских колониях. Окончил фабрично-заводскую школу, получил профессию каменщика. Работал на стройках. В 1952 году, живя на Кубани, начал писать. Первая повесть его «Мы обживаем землю» появилась в сборнике «Тарусские страницы», вышедшем под редакцией К. Паустовского в 1961 году. Писал пьесы. Печатался в журнале «Октябрь». Роман «Семь дней творения» распространялся Самиздатом. За рубежом выпущен издательством «Посев». «Семь дней творения» не частичная критика режима, а переоценка всего, что лежит в его основе. В сознании трех братьев Лашковых, участников революции, рухнул мир, который они строили, и перед ними развалины. Смертный приговор выносит писатель режиму.

Один из героев его, женщина, говорит, обращаясь к правящим: «Так вот я вам что скажу напоследок: нас переведете, дети останутся. Детей уничтожите, внуки вырастут. Но переживем мы вас, хлебоедов, переживем. Не такое терпели, перетерпим и вас. Только так думаю, что вы раньше сами друг дружку перегрызете».

Вступая в Седьмой день творения, начинающий то новое, что должно прийти на место мира, лежащего в идейных развалинах, вступая в этот день надежды и воскресения, Петр Лашков шел по новой уже дороге:

«Шел и Знал. Знал и Верил».

Страшно становится за автора романа. Он уже давно сидит в психотюрьме. Над ним продолжает висеть угроза расправы. Его без всяких оговорок можно назвать героем.

8.

В 57-й книжке «Граней» за 1965 года есть стихотворение «Мы шли этапом». Ни имя автора, ни судьба его — неизвестны.

Мы шли этапом. И не раз,
колонне крикнув «Стой!»,
садиться наземь, в снег и грязь,
приказывал конвой.
И равнодушны и немые,
как бессловесный скот,
на корточках сидели мы
до окрика «Вперед!»

И раз случилось среди нас,
пригнувшись снова,
один, кто выслушал приказ,
и продолжал стоять.

Минувя нижние ряды,
конвойный взял прищел.
«Садись! — он крикнул. — Слышишь, ты?
«Садись!» Но тот не сел.
Так тихо было, что слышать
могли мы сердца ход.
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна! Марш! Вперед!»
И мы опять месили грязь,
не ведая куда.
Кто с облегчением смеялся,
кто — бледный от стыда.
По лагерям, — куда кого, —
порастолкали врозь.
И даже имени его
узнать мне не пришлось.
Но мне, высокий и прямой,
запомнился навек
над нашей согнутой толпой
стоявший человек.

Вот такими, стоящими во весь рост над согнутыми мил-

лионами, представляются нам те, кто поднялся против режима.

Только часть их на воле. Остальные в концлагерях, в тюрьмах, в сумасшедших домах. И кажется стороннему наблюдателю — бой проигран. Но они, поднявшиеся, верят в победу.

Айсберг русской оппозиции

Ниже помещаем интервью А. П. Федосеева, данное им специальному корреспонденту одной из крупнейших и влиятельнейших газет Италии, так как считаем это интервью очень важным и интересным.

Комитет движения в пользу защиты прав человека был образован 4 ноября 1970 г. в Москве тремя знаменитыми учеными физиками — академиком А. Д. Сахаровым и профессорами А. Твердохлебовым и В. Н. Чалидзе. Инициатива этих ученых доказывает, что оппозиция находит видных защитников не только в художественно-литературном мире, но и среди научных деятелей в университетах и научно-исследовательских центрах.

Поэтому беседа с Анатолием Павловичем Федосеевым представляла для нас особый интерес. Федосеев до прошлого года состоял директором одной из главных лабораторий по электронике в Москве и во время своего пребывания в Англии в апреле 1971 г. попросил там политического убежища. Добивался он этой заграничной поездки с 1958 года. Федосееву 62 года, но выглядит он на десять лет моложе.

Мы находимся у него в гостиной дома лондонского предместья. К дивану, на котором мы с ним сидим, он прислонил коричневый кожаный портфель, в котором хранит свои дипломы, почетные грамоты, звезды и золотые медали, полученные им в награду за научные труды в Советском Союзе. Действительно, ему были присуждены самые высокие награды, доступные ученому в СССР, — орден Ленина в 1960 г., дважды орден Красного знамени и за несколько месяцев до поездки в Англию — звание Героя социалистического труда. Он известен всем специалистам на Западе как один из первых авторитетов по установке радаров и считался вторым в ракетной программе Советского Союза.

В настоящее время он преподает в одном из британских университетов и работает над книгой об организации науки в России. Это и было темой нашего разговора. Федосеев, как непосредственный свидетель, указал нам на причины недовольства ученого мира СССР, т. е. основания того айсберга, самые смелые верхи которого проявляют себя в протестах и процессах. Он признался нам, что только в Англии по-настоящему ознакомился с деятельностью Комитета защиты прав человека, с миром несогласия, с литературой Самиздата.

В Советском Союзе, говорит Федосеев, все орудия производства принадлежат государству, поэтому единственным способом управления страной является планирование. Парадокс состоит в том, что, хотя эта система содержит в себе огромные возможности, она не в состоянии составлять такие планы, которые предусматривали бы все бесчисленные случайности. Вследствие этого на практике все решения остаются чисто субъективными и система централизованного планирования в том виде, как она существует в Советском Союзе, препятствует техническому и научному прогрессу и становится консервативным, а не прогрессивным фактором. Все ученые и технократы прекрасно понимают, что эта система не может хорошо функционировать. Кроме немногих мало компетентных фанатиков,

это понимают и аппаратчики. Тем не менее все ведут себя так, будто ничего изменить невозможно. Двадцать процентов населения СССР состоит из людей, которые 50 лет жизни отдали партии, часто принося ей тяжелые жертвы. Эти хотя и отдают себе отчет в создавшемся положении, но не хотят и не могут высказывать свои сомнения вслух, так как этим они уничтожили бы смысл всей своей жизни. Другие 15-20% — группа научной интеллигенции, к которой принадлежит и сам Федосеев, критически относятся к режиму, но, занимая ответственные посты, не хотят открыто высказываться. Большинство же населения живет, не интересуясь этими проблемами. Наконец, имеется небольшой авангард несогласных, которые выступают с открытой критикой.

Будем верить, что будет так!

Многие коллеги Федосеева разделяют его мысли и убеждены в необходимости реформ, но все они приходят к заключению, что важнейшая из них — установление свободы высказываний — немыслима в Советском Союзе.

Оттепель, наступившая в первые годы прихода к власти Хрущева, была, по мнению Федосеева, следствием ошибки, погрешности режима. Хрущев допустил ее, чтобы добиться власти, Брежнев и Косыгин исправили эту аномалию. По своей внутренней логике эта система всегда возвращается к присущему ей образу правления. Но этот «возврат к норме», как думает Федосеев, с течением времени будет становиться все более затруднительным по трем причинам: 1) население начинает все настоятельнее требовать от режима известной эффективности; 2) даже аппаратчики убеждаются в том, что советская система плохо функционирует, и они согласились бы на некоторые реформы, если бы смогли провести их, не теряя власти; 3) появляется новое поколение политиков, которые готовы на уступки научной интеллигенции, лишь бы прийти к власти.

Все эти силы способствуют разложению режима и являются началом процесса, который, однако, может оказаться трудным и длительным. Федосеев считает, что феномен «несогласия» очень важен не своим влиянием на массы — оно ничтожно, — но тем что он бьет по самому слабому месту советской системы, т. е. по идеологии, которая больше не может скрыть или замаскировать несостоятельность централизованного планирования, необходимого для сохранения политической диктатуры.

Джованни Руссо
«Коррьере делла сера», 25. 3. 1972.

Как бы ни были огромны небоскребы и могучи пушки, как бы ни была безгранична власть государства и могучи империи, все это лишь дым и туман, который исчезает. Остается, развивается и живет лишь истинная сила, она в одном — в свободе. Жить — значит быть человеку свободным. Не все действительное разумно. Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно.

Вас. Гроссман, Все течет, Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 198.

Е. КЛИМОВ

М. В. Добужинский

(1875—1957)

Пятнадцать лет тому назад в Нью-Йорке скончался талантливый русский художник, Мстислав Валерианович Добужинский, прошедший последние 33 года своей жизни вне России.

При современных невероятных технических открытиях часто забывается чувство достоинства и свободы человека. В такое время голос человечности и призыв к сохранению свободы звучит подобно героическому набабу. В современной живописи, к сожалению, приходится наблюдать игнорирование вопросов, направленных в глубину вещей и, боясь затрагивать эти проблемы, современная живопись уходит в абстракцию, обрекая себя на бездушные и внутреннюю пустоту.

Нужна полная убежденность в великом назначении начал прекрасного, чтобы достойно пронести через всю жизнь факел любви к искусству и его пламенем согреть и осветить сердце и мысль человека. Таким и было всегда искусство Добужинского.

Его творческие устремления пробивались не одним потоком, а шли многими рукавами. Естественно поставить вопрос: в какой области (театр, книжные иллюстрации, городской пейзаж, портрет, литературная и педагогическая деятельность) его творчество проявилось наиболее плодотворно? Но имеет ли смысл задавать такой вопрос? Ведь мы не спрашиваем, которая из граней драгоценного камня самая прекрасная или какой лепесток в цветке наиболее красив. Красота драгоценного камня во всех его гранях, а очарование цветка во всех лепестках вместе. Так и дарование Добужинского раскрылось полностью во всех разнообразных проявлениях его творчества. Но это был не разнобой, а нечто объединенное сердцем и мыслью художника. Однако графические работы Добужинского и его театральная деятельность привлекли к себе еще в России значительно больше внимания, чем его педагогические занятия, а также его пейзажи и портреты.

В 1924 г. Добужинский переехал в Западную Европу уже вполне сложившимся мастером. Его имя прочно связано с деятельностью художников группы «Мир Искусства», в которую входили Ал. Бенуа, Сомов, Ланеоре, Остроумова-Лебедева, Билибин и др.

Объединение художников «Мир Искусства» никогда не формулировало своей «идеологии», решительно избегая каких-либо платформ. Вместо направления там царили художественный вкус и свобода. По своему духу «Мир Искусства» был выразителем широкого идеализма. К объединению «Мир Искусства» Добужинский примкнул всецело, войдя в его основное ядро.

Отец художника, генерал артиллерии из старого литовского рода, всячески способствовал развитию художественных способностей сына. От матери художник унаследовал любовь к музыке. Отец матери был новгородским священником, в доме которого Добужинский и родился в 1875 г. «Назван я был при крещении Мстиславом в честь Мстислава Храброго, святого князя новгородского, жившего в двенадцатом веке», — вспоминал художник. Мальчиком Добужинский каждое лето приезжал из Петербурга в Новгород. Далекие годы мирного детства прекрасно описаны Добужинским в его воспоминаниях.¹ С осени начиналась петербургская жизнь. «В ранней юности, когда начиналась разлука с Петербургом, у меня долго длилась томительная тоска по нем, и я мечтал о жизни в Петербурге как о счастье... впоследствии мое чувство к Пе-

тербургу совершенно неожиданно стало меняться... Вероятно через это надо было пройти... иначе моя любовь к Петербургу была бы неполной», — говорит Добужинский.

В 1895 г. он поступает на юридический факультет Петербургского университета, но вместе с тем продолжает заниматься рисованием, живописью и историей искусств. По окончании университета едет в 1899 г. в Мюнхен, где работает два года в студиях Ашбе и Халлоши. Там он знакомится с Игорем Грабарем, который после возвращения Добужинского в Россию вводит его в круг художников «Мир Искусства».

«Общение с Александром Бенуа, — вспоминает Добужинский, — умнейшим и очаровательнейшим собеседником, было настоящим моим «художественным университетом». Мы оба любили свое петербургское детство и наш Петербург».

Вернувшись из-за границы, художник увидел Петербург в его величии, но вместе с тем уколола изнанка города, — признается Добужинский, — своей совсем особенной безысходной печалью... Спящие каналы, бесконечные заборы... склады черных дров, пустыри... — все поражаало меня своими в высшей степени острыми и даже жуткими чертами. Все казалось небывало оригинальным и только тут и существующим, полным горькой поэзии и тайны... Я не понимал (в детстве) всей грусти и таинственности, словом, поэзии петербургской ночной красоты.²

Не надо представлять себе Добужинского певцом народного Петербурга. За народные изображения он брался только по предложениям заказчиков. В одном письме Добужинский поясняет: «Мне стало противно, что меня провозгласили каким-то «Певцом Петербурга», или в этом роде, точно это меня обязывало таким и оставаться. Повторять же, как и всем в группе «Мир Искусства», в которой я вырос, — претило.»

В этих словах слышна неумолимая требовательность к себе и непреклонная честность по отношению к искусству, не позволявшая ему успокоиться на однажды найденных формах.

В жизни Добужинского 1919 год был знаменательной датой: Станиславский предложил ему написать декорацию в МХТ для пьесы Тургенева «Месяц в деревне». «... меня волновало выразить, — признается художник, — лирическое настроение пьесы, и при той любви, которая у меня рождалась и росла к ней, это выходило само собой и было естественно. Как это делалось — самому мне трудно объяснить».

Об этом необъяснимом моменте творчества Добужинский упоминает несколько раз в своих воспоминаниях. «Творчество, — говорит он, — всегда остается и должно остаться тайной, и процесс этот, где такую роль играет «подсознательное», и самим автором редко может быть объясним».

«Мирной деревенской жизни (в пьесе «Месяц в деревне»), — поясняет художник, — грозит душевная буря. И на стенах голубой гостиной меня осенило сделать две больших картин (на одной было изображено извержение вулкана, а на другой кораблекрушение)... это намек... внешне драматического момента в спокойствие и ясность... и создавало известное настроение».

В 1913 г. Добужинский написал декорации в МХТ для пьесы «Николай Ставрогин» по роману Достоевского «Бесы». «С того времени то, что исходило из драмы, трагедии и романтических пьес, особенно меня поднимало и воз-

¹ М. Добужинский, Новгород (из воспоминаний детства), «Новый журнал», Нью-Йорк, 1947, кн. XV, стр. 249—260.

² М. Добужинский, Петербург моего детства, «Новый журнал», кн. XXI, Нью-Йорк, 1949, стр. 102.

буждало творчески, — признается художник. — В «Бесах» был вообще перелом на моем пути художника... В моей задаче была попытка выразить то, о чем лишь в скрытых намеках говорится в романе... я старался выразить самое острое, что чудилось в его неуловимом смысле и его скупых описаниях».

Декорации Добужинского чрезвычайно помогали восприятию всей драмы «Бесов», а сама работа открыла художнику многие трагические стороны жизни и затронула те области, которых раньше Добужинский не касался. Любопытно отметить, что сказал Максим Горький по поводу постановки «Николая Ставрогина» в МХТ: «Это представлено — затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально».³

Первая мировая война, революция и все последовавшие в России события не могли, конечно, пройти бесследно для чуткой души художника. В воображении Добужинского складываются видения печального будущего. Так возникает серия работ под названием «Городские сны». Особенно впечатляюща работа «Труд». По гигантским лестницам понуро поднимается вереница людей. Все они одинаковы, они вынуждены двигаться. А по соседству работают машины-гиганты и в своем движении как бы поглощают людей. Маленькому человеку-муравью и понять невозможно, зачем происходит такое поглощение мира техникой, и ему остается только безропотно брести за тысячами таких же, как он, несчастных. Возникает вопрос: для того ли создан человек, чтобы в этих условиях проводить жизнь? Наше сознание протестует и несогласно с подобной судьбой. Человек достоин другой жизни и требует себе права на свободу.

Предчувствие трагических событий носит в рисунке «Конец» (из той же серии «Городские сны») пророческий характер и напоминает страницы Апокалипсиса. Приходят на ум слова Блока, написанные им в те же годы:

О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней.
— — — — —
Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце к себе звать, —
Солнце не встанет...

Работы Добужинского из серии «Городские сны» говорят о том, как ошибались те, кто причислял художника к эстетам. Одно любование сочетанием линий и красок без внутреннего смысла никогда не привлекало Добужинского. Его искусство всегда трепетно и предметно и зовет к постижению всего видимого.

В 1922 г. был издан альбом литографий Добужинского под названием «Петербург в 1921 г.». «Я пережил в Петербурге, — рассказывает художник, — все революционные годы. На моих глазах город умирал смертью необычайной красоты, и я постарался перед тем, как его покинуть навсегда, посылить запечатлеть его страшный, безлюдный и израненный облик».⁴ Одна из лучших монографий этого альбома — «Исаакиевский собор в снежную метель». Языком, полным скорби, поведал Добужинский о былом величии одичалого города. Собор в метель становится более призрачным, щемит сердце от этого вида, столь просто и выразительно показанного.

«Последним моим «прости» Петербургу были мои иллюстрации к «Белым ночам» Достоевского, — говорит художник, — куда я вложил всю мою любовь к Петербургу». «Работой над «Белыми ночами» завершается период творчества Добужинского на родине. 33 последующих года показали, что художник был еще полон сил, и любовь к родным основам осталась незыблемой. В условиях эмигрантской жизни, не всегда легких, Добужинский не сдался и проявил себя широко и свободно в области театра и книжной иллюстрации.

Во время пребывания Добужинского в Лондоне бывали у него встречи с писателем А. Н. Толстым, который уговаривал художника вернуться на родину. Добужинский ему ответил: «У вас там начальства много, а я начальства не люблю».

В городах, где останавливался Добужинский, устраивались выставки его работ, находившие широкий отклик. Тут появились не только виды России, но и виды Парижа, Копенгагена, Риги, Вильны. Новые города давали художнику новые мотивы, которые он набрасывал смело, свободно и широко. Как мне говорил сам Добужинский, его несколько стесняли люди на улицах, когда он делал этюды, поэтому он чаще делал быстрые зарисовки с натуры, а затем дома создавал свои рисунки и акварели. Такой элемент «вторичного творчества» нередко превалировал в искусстве Добужинского и придавал характерность изображаемому.

С переездом в Западную Европу началась довольно интенсивная театральная деятельность художника. Для Дрезденской оперы Добужинский пишет декорации для «Евгения Онегина». Особенно пленительны были декорации комнаты Татьяны. Пушкину Добужинский остался верен до конца. В государственном Литовском театре ставится опера «Пиковая дама» в оформлении Добужинского. Содержание оперы и ее музыка нашли страстный отклик в его динамическом искусстве. Запомнилась жуткая архитектура играного дома, в котором сходит с ума Герман. Темная фантастика трагической сцены приобретает глубокий смысл.

Театральная работа порой целиком поглощала почти все время художника. И все же, даже в разгар театрального сезона, Добужинского влечет природа, и он юношески приветствует ее. «Весна у нас совершенно божественная» — писал он в письме. Увлекаясь театральной деятельностью, он не забывал других отраслей искусства: «Массу делаю для театра, но все это приятная игра, и порой я угрызаем советью... Я изголодался без графики...»

Давно уже у Добужинского было затаенное желание иллюстрировать любимого им Онегина, целые страницы которого он знал с юных лет наизусть. Издание «Онегина» с рисунками Добужинского было осуществлено только в 1937 г., когда «Онегин» вышел в английском переводе. Успех рисунков был полный. А в 1938 г. в Париже вышло русское издание с его же рисунками. За день до смерти, в беседе с корреспондентами радио, Добужинский заметил: «Самой значительной моей работой после отъезда из России были иллюстрации к „Евгению Онегину“».

Здесь я позволю себе не вполне согласиться с художником, ибо и другие его работы, не только в театре, но и в графике показали высокое совершенство его мастерства. Но иллюстрации к «Евгению Онегину», конечно, остаются одними из лучших. В главе I мы видим Онегина, возвращающегося с бала. Всего лишь несколькими штрихами и пятнами дано представление о ясном морозном утре с встающим из-за легких туч солнцем. Наиболее сильным рисунком является дуэль Онегина с Ленским. Силуэтность рисунка помогает острее почувствовать контраст темных фигур и белизну снега. Здесь должно наступить нечто роковое. Простота рисунка основана на глубоком знании, а экономия средств показывает высокое мастерство Добужинского-графика.

Часто во время театральных постановок Добужинский зарисовывал артистов. Существует много набросков, исполненных художником еще в России, а потом и за границей. Портрет Шалапина нарисован в 1934 г. в Ковно, когда Шалапин приезжал в Балтийские страны на гастроли. Добужинский почувствовал в стареющем великом певце могучую силу. Усталые глаза, но все-таки это еще лев, величественный в своем артистическом благородстве.

В Лондоне Добужинский рисует композитора Н. К. Метнера. Проницательный взгляд умных и добрых глаз и обильный поэтический облик композитора показан психологически тонко.

³ М. Горький, О карамазовщине, «Русское слово», Москва 1913, № 219; он же, Еще о карамазовщине, там же, № 248.

⁴ М. Добужинский, Петербург моего детства.

С 1939 г. Добужинский в Соединенных Штатах Америки, куда его пригласил Михаил Чехов. «За эти годы, — сообщает мне в 1950 г. в письме Добужинский, — я создал в театрах: 4 оперы, 7 балетов, 5 драм и комедий, 16 февраля была премьера «Хованщины» — это одна из моих самых больших театральных работ».

В первые годы своего пребывания в Америке Добужинский сотрудничает с Чеховым и выполняет некоторые его постановки, среди них инсценировку рассказа А. Чехова «Заблуд», вызывающую своими декорациями улыбку. Сколько там было тонкого юмора! Но и пышная постановка оперы Верди «Бал-маскарад» показывала, каким мастером сцены был Добужинский, как легко он возводил великолепные чертоги и наполнял их феерическим светом.

В годы пребывания в Америке художник стал работать над темами русской истории, к которым он, живя на родине, не обращался. Известны его постановки «Бориса Годунова» и «Хованщины». В эти же годы он пишет свои воспоминания о Новгороде и о своем детстве. Тут слышится голос любви к своему прошлому, это как бы благодарная дань тому, на что в молодые годы не было обращено достаточного внимания.

Добужинский иллюстрирует в 1951 г. «Слово о полку Игореве». Здесь отразился его взгляд на этот памятник древней русской литературы как на памятник трагического искусства. Заглавный лист «Слова» чрезвычайно динамичен. Зловещий крик птицы, померкнувшее солнце и стремительный поход дружины сплелись с терзаемым бурей деревом в выразительный графический узор. Перед боем с половцами войска Игоря показывают строй сомкнувшихся щитов и лес ровных копий. Но после побоища все смешалось, копья свалены, стяги порваны, птицы разлетались. Самыми простыми средствами Добужинский достиг выражения полного поражения, разброда и ужаса. И все это дано только в одной вспышке!

По силе переживания рисунки к «Слову» должны быть отнесены к одним из самых сильных в творчестве Добу-

жинского. Нечто стихийное чувствуется в их внутренней взволнованности и динамике. В этих рисунках нет каллиграфической тонкости, но в них есть подлинная свобода в выражении могучих чувств, где птицы грозно каркают, где деревья мощно изгибаются под напором бури, где в дела людей властно вмешиваются силы неба.

Помимо театральных и графических работ Добужинский собирает материалы по истории русской театральной живописи, пишет воспоминания, редактирует сборник — «Памяти Рахманинова» и не прекращает делать свои зарисовки с натуры.

Был еще один мир, куда нередко уносился Добужинский в своих мечтах: это был мир давно прошедших дней, в котором природа и памятники культуры давали ему обильную пищу для творчества. Это был город его юности — Петербург.

В последние дни своей жизни вспомнил Добужинский Летний сад зимою в годы запустения Петербурга. Одинокое стоит в одной из аллей статуя Ночи, брошенная всеми и занесенная снегом. Только деревья оголенными ветвями рассказывают о былом величии и красоте столицы. Есть в этом образе печально стоящей среди холода фигуры нечто более значительное, чем простое воспоминание о любимом городе. Это прощальный привет художника, открывшего много тайн и заповедавшего бережно хранить эти тайны творческого преобразования.

Беспредметность и абстракция не могли найти у Добужинского никакого признания. Слишком он был полон интереса к миру, архитектуре, человеку и вещам и находил в них тайный смысл.

Он смотрел на свое дело не как на забаву или прихоть, но благородно и рыцарски утверждал право художника идти навстречу трудностям, наперекор нынешнему механическому веку.

Глубина художественных прозрений Добужинского ставит его в число крупнейших мастеров современного русского искусства.

РАДИОСТАНЦИЯ «СВОБОДА» ПОД УГРОЗОЙ ЗАКРЫТИЯ

Передающая на языках народов Советского Союза радиостанция «Свобода» и передающая на языках стран Восточной Европы радиостанция «Свободная Европа» находятся под угрозой закрытия.

На протяжении долгих лет советская пропаганда вела против обеих радиостанций, штаб-квартиры которых расположены в Мюнхене, непрерывные атаки, обвиняя их во всех смертных грехах и в первую очередь в том, что обе они «отравляют эфир ложью и клеветой». До поры до времени обвинения эти никакого отклика на Западе не находили.

Однако после того, как выбор для очередных Олимпийских игр пал на Мюнхен, советская тактика в отношении обеих радиостанций резко изменилась. Советский Союз повел большое пропагандное и дипломатическое наступление на них, основываясь на том, что обе радиостанции расположены в городе, где будут происходить олимпийские игры. С советской точки зрения наличие обеих радиостанций создало в данной ситуации своего ро-

да «угрозу миру» и угрозу эту следовало во что бы то ни стало устранить.

Тем не менее Министерство информации Федеративной Республики Германии установило, что «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода» основывают свою работу на тех же принципах, что и остальные западно-германские радиостанции, что там царит полная свобода мнений и что с этой точки зрения придираться не к чему.

Советские нападки дали повод общественному мнению на Западе высказаться по существу затронутых коммунистической кампанией проблем. Так 20 июня 1971 года швейцарская влиятельная газета «Нейе цюрхер цейтунг» поместила большую статью сотрудника Эрнста Кукса «Свободные сведения для несвободных стран», в которой говорилось в частности: «Причина и оправдание существования обеих радиостанций в том, что коммунистические страны не признают свободы мнения, препятствуют свободному обмену информацией, и правящие партии всеми средствами утверждают свое монопольное мнение... Именно эта противоположная обособленность, а не существование обеих радиостанций, которые вы-

полняют важную функцию открытых ворот для мировой связи, противоречит общей установке нашего времени передавать немедленную, всеобъемлющую и всестороннюю информацию. Эти радиостанции стремятся служить, а не препятствовать, в чем их упрекают, тому сосуществованию, о котором так много говорится».

Несколько дней спустя, 26 июня 1971 года, аналогичные доводы в защиту обеих радиостанций приводила американская газета «Вашингтон пост»: «Было бы непростительным подрывом веры миллионов слушателей этих радиостанций, если они будут лишены возможности по своему выбору слушать их передачи. Смягчение напряжения, если слово это вообще что-то значит, означает расширение контактов западных стран с коммунистическими, а не помощь этим последним изолировать свои народы от Запада. Это означает обмен людьми, товарами, словами и идеями. Именно это и составляет основную цель РССЕ и РСС».

Вынесение вопроса о существовании Радио «Свобода» и Радио «Свободная Европа» на повестку дня совпало с той кампанией, которую вели некоторые

сенаторы в США против тайного финансирования через посредство Си-Ай-Эй или ЦРУ («Центрального Разведывательного Управления») общественных начинаний, как профсоюзы, студенческие организации, издательства и международные объединения (в том числе «Конгресс за свободу культуры»). В начале 1971 года сенатор республиканец Клиффорд Кейс раскрыл секрет полишинеля, заявив, что обе радиостанции финансируются главным образом из фондов ЦРУ. Тогда же тот же сенатор Кейс и член палаты представителей Рид сообщили о своем намерении внести законопроект, обеспечивающий финансирование РССЕ и РСС путем прямых ассигнований Конгрессом сумм, необходимых для работы этих учреждений.

Проведение постоянного законопроекта, как выяснилось, дело затяжное. Самым непримиримым противником дальнейшего существования обеих радиостанций оказался сенатор демократ Уильям Фулбрайт, занимающий ключевую позицию председателя Комитета по иностранным делам при сенате США. Выступая по телевидению 17 февраля 1972 года, Фулбрайт заявил, что обе радиостанции мешают установлению добрых отношений между США и СССР и являются анахроническими пережитками «холодной войны». Заявление Фулбрайта было сделано за несколько дней до истечения временных ассигнований Конгресса обеим радиостанциям и поставило их в остро критическое положение.

Выступление Фулбрайта вызвало резкую реакцию мировой общественности. Многие политические деятели и большинство крупнейших газет во всех странах мира осудили занятую Фулбрайтом позицию, обвиняя его в том, что он своими собственными руками стремится сделать то, чего на протяжении стольких лет не удавалось сделать советскому правительству, а именно положить конец источникам свободной информации в СССР и в странах Восточной Европы. При этом выяснилось не только предвзятое мнение, но и недобросовестность Фулбрайта: так, например, оказалось, что сделанные по распоряжению Фулбрайта заключения экспертов Библиотеки Конгресса о работе обеих радиостанций в Мюнхене были положены им «под сукно», так как они давали крайне положительную оценку деятельности как Радио «Свободная Европа», так и Радио «Свобода».

В дни, последовавшие за выступлением Фулбрайта, появились десятки статей в крупнейших газетах США и стран Западной Европы, лишний раз подчеркивающих полезность и эффективность деятельности обеих мюнхенских радиостанций. Парижская газета «Монд», лондонская «Таймс» и «Экономист», западногерманская «Ди вельт», швейцарская

«Нейе цюрхер цейтунг», американские «Тайм», «Ньюсуик» и «Интернейшенал геральд трибюн», не говоря о десятках менее крупных органов печати, указывали в своих статьях на тот непоправимый политический ущерб, который нанесло бы закрытие РССЕ и РСС делу свободы и взаимного понимания между народами.

В последних числах февраля на радиостанцию «Свобода» поступило письмо от одного из слушателей из Советского Союза, в котором говорилось в частности: «Человек не может жить без правды и свободы. Вот почему многие (а число их с каждым днем растет) часами просиживают у радиоприемников, вслушиваясь в свободные голоса, говорящие правду. Но единственный голос, который говорит эту правду, который в какой-то мере осуществляет право двухсоттридцатимиллионного народа на объективную информацию, записанное в декларации прав, который рассказывает народу о его прошлом, о его страданиях и преступлениях, о его вчерашних гениях и сегодняшних героях, это голос русской радиостанции «Свобода»... При том духовном и культурном голоде, который западный человек не может себе даже вообразить и в котором живет всякий русский интеллигент, особенно в провинции, куда не попадают ни Самиздат, ни литературные новинки, радиостанция „Свобода“ оказывается единственным источником духовной пищи. Возможное закрытие ее (об этом ходят разнообразные, но упорные слухи), пусть даже только сокращение ее деятельности — означает духовный, культурный, информационный голод для десятков, сотен тысяч душ, в которых благодаря ей родилось или родится в будущем свободное самосознание...».

В результате вмешательства президента Никсона, приостановленное было по воле Фулбрайта финансирование РССЕ и РСС было восстановлено в марте до 30 июня (то есть до конца бюджетного года США), а Палата представителей и Сенат договорились о том, чтобы законопроект, касающийся дальнейшего финансирования обеих радиостанций, был рассмотрен до истечения этой даты. В связи с тем, что в конце мая намечается поездка Никсона в Москву, можно предполагать, что окончательное решение относительно дальнейшей судьбы обеих мюнхенских радиостанций будет принято Конгрессом в Вашингтоне лишь после того, как выяснится общая картина нынешних советско-американских отношений.

Любопытно отметить, что в порядке поднятой против Радио «Свобода» советской пропагандой кампании в «Литературной газете» от 5 апреля появилась перепечатанная из поль-

ской газеты «Жолнеж вольности» статья «Кому протягивает руку Пекин?» В статье этой говорится о том, что — якобы — «китайские представители в Швейцарии установили контакты с пресловутой радиостанцией „Свобода“... и предложили работникам этой радиостанции направить собственного корреспондента в Пекин...». В качестве иллюстрации была дана карикатура из болгарского коммунистического еженедельника, изображающая Мао Цзэ-дуна стучащимся в двери... радиостанции «Свобода»! Характерно в данном случае не то, что такого рода статья появилась в польской газете или что такого рода карикатура была опубликована в болгарском еженедельнике, а то, что то и другое воспроизвела на своих страницах московская газета.

Наиболее веский довод в пользу дальнейшей деятельности радиостанции «Свобода» дал в своем недавнем интервью американскому журналисту Роберту Кайзеру лауреат нобелевской премии по литературе Александр Солженицын, который сказал: «Если мы узнаем что-нибудь о событиях, происходящих в нашей собственной стране, то только благодаря радиостанции „Свобода“». Это высказывание Солженицына вдохновило передовицу газеты «Нью-Йорк дейли ньюз» от 5 апреля. «Можно ли найти лучший повод для Конгресса, чтобы продолжать финансировать как Радио «Свобода», так и Радио «Свободная Европа» на протяжении ближайших лет?» — спрашивает передовица. И тут же добавляет: «И тем хуже для глупых и совершенно слепых доводов сенатора Фулбрайта». А в газете «Интернейшенал геральд трибюн» от 12 апреля было опубликовано открытое письмо сенатору Фулбрайту за подписью известного американского журналиста Ч. Робертса, в котором последний ссылался на слова Александра Солженицына относительно радиостанции «Свобода»: «Вы утверждаете, что то, что происходит внутри Советского Союза, не наше дело, пишет Чарльмер Робертс, что мы должны предоставлять Солженицыну вести свою собственную борьбу. Он это и делает, естественно. Но имеем ли мы право отказать ему в помощи американских радиостанций?»

Итак, голос Солженицына в пользу радиостанции «Свобода» не только прозвучал на весь мир, но уже и нашел соответствующие отклики на страницах мировой печати. Прислушаются ли к этому голосу президент Никсон в связи со своими переговорами в Москве и американский Конгресс в момент, когда ему суждено будет решить окончательно судьбу обеих мюнхенских радиостанций?

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• Оркестр русских народных инструментов под руководством В. Савицкого и А. Мельдер дал в зале Русского клуба в Сиднее (Австралия) концерт, посвященный русской и украинской музыке. Концерт начался маршем «Тоска по родине», муз. Чернецкого, аранж. А. И. Мельдер. Участники оркестра: В. Савицкий, А. И. Мельдер, П. Албани, Е. Сергей, В. Кузнецов, В. Бянкин, Сюзанна Гарнер, М. Ерзиков, А. Мельдер, В. Морозов, Н. Радионов и Е. Новицкая-Зинченко. Солистами выступили М. Луговая и Г. Антипов.

• Певица Е. Юренева и пианистка М. Раковская дали концерт классической музыки. Концерт состоялся в зале им. Рахманинова в Св.-Серафимовском фонде в Нью-Йорке.

• Новоорганизованный русский вокальный квартет выступил 30 января со своим первым концертом в Русском Инвалидном Доме в Монморанси (Франция). Певицы Татьяна Татарина, Мария Первышина, Татьяна Гедда и Вероника Лисет спели ряд русских народных песен и популярных романсов. Квартет организован известной пианисткой и певицей Н. Г. Гедда-Нава.

• Пианист Юрий Буксов исполнил 25 января в Париже произведения Мусоргского, Бетховена и Листа. Юрий Буксов совершил в этом году концертное турне в странах Юго-Восточной Азии.

• По инициативе семьи Антиповых Фонд срочной помощи начал сбор средств для помощи русским психически больным в Шанхае. Сбор средств идет в память ныне покойного владыки Иоанна Шанхайского. Семья Антиповых организовала при поддержке Русского клуба в Сиднее (Австралия) концерт-спектакль, прошедший с большим успехом. Весь доход был передан Фонду для вышеуказанной цели.

• С прошлого года в Нью-Йорке работает под руководством Т. А. Левицкой Театр русской молодежи. Были поставлены спектакли «Снежная королева» и «Смутное время» по Пушкину и Толстому, «Женитьба» Гоголя. В подготовке «Горе от ума» Грибоедова и детская пьеса «Аленький цветочек» Аксакова. По приглашению общества «Отрада» Театр русской молодежи поставил в Нью-Йорке (США) 6 февраля комедию Гоголя «Женитьба».

• С большим успехом прошел конкурс народных плясок России, устроенный Русским клубом в Стратфильде (Австралия). В программе вечера были сольные и групповые выступления. Выступительное слово сказал председатель клуба И. М. Нестеров. Первый приз за сольное выступление получила Кристина Райн за танец «Казачок», второе место занял А. Лелеков за исполнение «Русской», пара Е. Канакова и Ю.

Михайлов получила первый приз в своей группе за прекрасно исполненный «Украинский казачок», второе место было присуждено М. Токаревой и И. Малахову за танец «Свидание». В конкурсе танцевальных ансамблей первое место занял Казачий ансамбль из Сиднея. На втором месте остался Казачий ансамбль Ю. Михайлова.

• Хореограф Николай Березов принял руководство балетом оперного театра «Сан Карло» в Неаполе (Италия).

• Столетие со дня рождения Сергея Павловича Дягилева отмечается посвященной ему выставкой в миланском театре Ла Фениче.

• Танцор Александр Филиппов, избравший свободу год тому назад, состоит ныне членом балетной группы Сити Сентер в Нью-Йорке.

• Художник Анатолий Бор выставил свои политические антикоммунистические карикатуры в Буэнос-Айресе. Выставка вошла в программу Дня Непримиримости. Всего было выставлено 34 карикатуры.

• Г-жа Сафонова прочитала в обществе «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) доклад на тему «Поэты смутных лет России». Докладчица подробно говорила о А. Блоке, Н. Гумилеве, М. Волошине, Марине Цветаевой, О. Мандельштаме, С. Есенине и В. Маяковском.

• 30 января В. Д. Самарин, старший лектор Йельского университета (США), прочитал в Нью-Йорке в Русско-американском институте лекцию на русском языке «Обзор литературы Самиздата». После лекции был обмен мнениями.

• В Св.-Серафимовском фонде состоялся вечер памяти ген. А. П. Кутепова. После вступительного слова Ю. Сречинского с докладом выступил С. Л. Войцеховский. В художественной части вечера пианистка И. Гончарова исполнила Траурный марш Шопена и Преображенский марш. А. Христенко прочитал отрывок из повести Месняева «Давнее».

• В Сиднее (Австралия) состоялся вечер-концерт, посвященный дню русской культуры. Вечер был открыт докладом А. Г. Макриды на тему «Русская песня». В концертном отделении выступали мужской и женский хоровые ансамбли, солистки и солисты.

• Профессор Владимир Николаевич Ильин прочитал 17 января в Париже доклад на тему «'Игрок' Достоевского и его богословское толкование».

• Ольга Фальц-Фейн сделала 18 февраля в зале Русской консерватории имени С. Рахманинова доклад о ее встречах с семьей Достоевских.

• А Вестерман прочитал 25 января в «Обществе русских химиков» в Париже доклад «Пульсары — небесные радиомаяки».

• Профессор М. А. Губер 28 января прочитал на встрече поэтов и писателей в Сан-Франциско доклад об авторе сказки «Конек Горбунок».

• Профессор И. И. Гапонович сделал в обществе «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) доклад «Просвещение при Екатерине II».

• Николай Вырубов прочитал на съезде русской православной молодежи в Мельбурне (Австралия) обстоятельный доклад о Православной Церкви в СССР.

• На съезде международного общества уголовной профилактики бельгиец Антони де Мееус сделал доклад «Психиатрия как мера наказания и незаконного лишения свободы. Предложения конкретных мер для защиты пострадавших». Докладчик указал, что заключение в психиатрические лечебницы людей, свободно высказывающих свое мнение, стало широко практиковаться в Советском Союзе. А. де Мееус предлагает создать Многонациональный совет, составленный из психиатров, который своим существованием будет служить предупреждением властям и будет выступать против использования психиатрии и психиатрического лечения как наказания.

• Л. Д. Стрновский, открывая очередной вечер Общества «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия), сказал, что вечер будет посвящен 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Доклад о Достоевском прочитала Е. Н. Казанская.

• 13 февраля в Русском доме Мельбурна (Австралия) был проведен 32-й вечер «Зеленой лампы». Демонстрировались снимки церковного зодчества и украшения храмов России, в их древнем виде и в теперешнем состоянии. После демонстрации фильмов мельбурским церковным хором был дан духовный концерт под управлением Евсеяко, затем сольные номера солиста В. И. Барановича, ария из оперы «Князь Игорь», «Кремлевские колокола» и, по просьбе публики, «Кольбельная» Гречанинова. Так как зал Русского дома не мог вместить всех желающих, то весь вечер будет повторен.

• 23 января после долгого перерыва возобновила работу Устная газета Русского дома Мельбурна (Австралия). Был прочитан интересный доклад на тему «Победителей не судят» и доклад о международном положении Потроуло. Затем он же выступил как чтец-юморист.

• Очередной номер «Живой газеты» в Аделаиде (Австралия) в зале «Эстония» начался с обзора «Воспоминаний Хрущева». Докладчиками были доктор П. Калиновская и Е. Виноградова. Доктор П. Калиновский дал статью «Молодежь на Западе и в Советском Союзе», Г. Филатов — о «Коммунистическом терроре».

• Российский Общественный центр в Аделаиде (Австралия) постановил на своем годовом собрании и в 1972 году продолжать сбор средств на постройку Русского дома в Аделаиде. Новое прав-

ление центра было избрано в следующем составе: председатель — И. Е. Строковский, товарищ председателя — В. П. Браун, члены правления — Н. М. Кованько, Н. Н. Доннер, В. В. Плиско, Л. А. Амороз, Ю. С. Пожидаев. В состав ревизионной комиссии были выбраны Н. Н. Лобачевский, И. Н. Косач, Д. Г. Васькин и запасным членом ревизионной комиссии был выбран П. Д. Мейснер.

• При Русском клубе в Стратфильде (Австралия) созданы различные кружки, секции, группы, которые объединяют русских людей, главным образом, молодежь. В настоящее время при клубе имеется спортивная секция, которая уже получила признание со стороны австралийцев. С успехом работает при клубе и шахматная секция, большую полезную и интересную работу проводит театральный кружок под руководством Н. А. Волковской, в котором принимают участие молодые талантливые силы. Популярностью пользуется и литературно-исторический кружок клуба под руководством П. А. Сухатина, который умеет привлекать внимание широкой публики прекрасными лекциями и докладами по истории и литературе.

• 28 января в Мельбурне (Австралия) был проведен традиционный русский Татьянинский бал. Устроитель — председатель Русского дома Климецкий. Согласно традиции «гвоздем» бала были выборы Татьяны.

• Известный печатный орган Самиздата «Хроника текущих событий» переиздается организацией «Amnesty International» в Лондоне на английском языке. Ранние номера собраны в книгу «The Human Rights Movement in the Soviet Union». Начиная с 12-го номера хроника издана отдельными тетрадями.

• Журнал «Международный голос сопротивления (Resistance)», выходящий в Брюсселе, поместил в двойном номере за октябрь-ноябрь 1971 г. «Обращение к СССР по поводу Международного Дня Прав Человека».

• Абитуриенты русских гимназий в Латвии встретились 12 февраля в Нью-Йорке на своем традиционном вечер-банкете.

• Объединение бывших сотрудников Петербургского университета отметило 19 февраля в Париже 153-ю годовщину основания университета торжественным завтраком в ресторане Доминик.

• На годовом собрании русского банка «Федеральный кредитный юнион» 23 января в Лейквуде (США) было постановлено выплатить вкладчикам 6% дивидендов. В состав дирекции на 1972 год были избраны: председатель Н. Е. Корольков, вице-президент Н. А. Помазанов, казначей Я. В. Ржевский, протокольный секретарь А. Я. Мартынюк, член комитета Т. Г. Мищенко, ассистент-секретарь Надежда Я. Мартынюк, член комитета И. Г. Редькин. Ревизионная комиссия: В. И. Мияшони, Н. Д. Адыянов, И. П. Севастьянов.

• Французское астрономическое общество наградило русского ученого астронома Парижской обсерватории Николая Михайловича Стойко золотой медалью имени Янсена, которая присуждается ученым, значительно продвинувшим науку вперед.

• В Нью-Йорке создана Инициативная группа по созыву конгресса русских американцев. 29 января состоялось первое собрание группы. С докладом выступили Е. А. Александрова, о. Александр Киселев, Б. А. Константиновский, Т. К. Багратион. Адрес группы:

Od Hoc Committee of Russian Americans.
P. O. Box 224 Cooper Station, New York,
N. Y., 10003.

• Союз Русских военных инвалидов в Нью-Йорке избрал новое правление на 1972 год: председатель — Ген. штаба, кавалер ордена св. Георгия полковник С. Н. Ряснянский, вице-председатель — капитан Г. Н. Северский, секретарь — подпоручик В. Л. Герлах, казначей — прапорщик А. М. Прасолов, запасные члены — капитан С. Т. Марков, подпрапорщик В. Г. Белозуб, председательница дамского комитета — графиня М. А. Ланская. Ревизионная комиссия: председатель — кавалер ордена св. Георгия капитан Г. М. Кузнецов, члены — ротмистр граф И. Ланский, сотник Ф. И. Неуронов.

• В воскресенье 31 октября Общекадетское объединение во Франции праздновало 21-ю годовщину своего основания. В 19 часов в храме Знамения Божией Матери, где находится Памятная кадетская доска, был отслужен торжественный молебен с выносом Флага объединения и линейного значка Владикавказского кадетского корпуса. Служил о. Стефан Книжников (бывший юнкер Киевского Константиновского военного училища).

• Организация участников гражданской войны и Белого Движения 12 декабря отметила в Брисбене (Австралия) день св. Георгия. Председатель организации В. В. Поносов в приветственном слове отметил 50-летие Союза галлиполийцев и 25-летие казни атамана Забайкальского войска Г. М. Семенова и генералов Бакшеева и Власьевского.

• 12 сентября прошлого года исполнилось 30 лет со дня основания Русского корпуса. В этот день генерал Скородумов объявил приказ о формировании в Белграде отдельного Русского корпуса.

• 21 ноября прошлого года в день св. Архистратига Михаила Уральская казачья станица во Франции праздновала свой Войсковой праздник. После молебна в церкви св. Серафима Саровского, в Париже, состоялась братская трапеза уральцев и гостей. От донцов присутствовали председатель казачьего союза В. М. Кузнецов, председатель Донского объединения Н. А. Ломакин, председатель Союза партизан-степняков А. П. Падалкин, председатель Калмыцкого союза С. Ш. Балданов, редактор «Родимого

края» Б. А. Богоевский, Н. И. Богоевская, председательница Дамского комитета Казачьего союза, Н. П. Казимцев, «вечный» казначей Казачьего союза и Донского объединения инж. Ф. Ф. Гончаров. От Терского войска — г-жа Расстригина и инж. В. О. Зверев. Сердечно принимали своих гостей уральцы во главе со своим заместителем Войскового атамана П. А. Фадеевым и его помощником Г. А. Акутиным.

• В ноябре прошлого года Кубанский войсковой атаман В. И. Третьяков посетил Кубанскую имени ген. Зборовского станицу в Сан-Франциско. Казачье торжество было начато молебном в Кафедральном соборе Пресвятой Богородицы. По окончании богослужения в Казачьем доме — 900 Ашбури стрит — состоялся прием почетного гостя. С приветствиями казачьему гостю выступали представители Донского казачьего хутора в Сан-Франциско, редакции газеты «Русская жизнь», Комитета помощи русским военным инвалидам в зарубежье, Терского казачьего войска, Лиги русско-американских женщин, Сан-Францисского отделения Общества галлиполийцев, Объединения дроздовцев, Сибирского казачьего войска, Объединения русско-американских сестер милосердия и общества Русский Сокол.

• На Рождественском торжестве ОРЮР, 15 января в Нью-Йорке отряд имени адмирала Невельского спел русские и украинские колядки, волчата и белочки из Парсипани выступили с русскими танцами, отряд св. Александра Невского поставил две пьесы, сестры Тамара и Марина Суваловы спели шуточную песенку.

• 3 февраля состоялось очередное собрание клуба русской молодежи в Доме Свободной России в Нью-Йорке.

• Елка витязей праздновалась 16 января в Париже в этом году как праздник детской самодеятельности. Программа началась выступлением общего хора в составе 50 певчих. Были поставлены сказки, спеты народные песни и колядки, прекрасно играл струнный оркестр «Садко», особенно в последнем номере программы в сопровождении хора девушек, выступавших в русских костюмах.

• Российское спортивное общество в Париже приняло участие в чемпионате Франции по волейболу.

• 10 октября прошлого года приходская школа при Св.-Покровском Соборе в г. Мельбурне устроила очередной ежегодный спектакль. На этот раз вместо выступления детей в отдельных номерах, часто не имеющих ничего общего с работой школы, спектакль ограничился постановкой одной вещи — «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина, в которой участвовали 53 ученика школы. Отромную работу провели режиссер Л. Ф. Богданова и ее помощники. Танцы были разучены под руководством Н. В. Незвецкой. Декорации написал А. В. Шмельц.

• Архимандрит Антоний Граббе, основатель и руководитель Свято-Сергиевской гимназии в Нью-Йорке, ведет переговоры с сенаторами штата Нью-Йорк и конгрессменом той части города, где расположена гимназия, о присуждении государственной помощи из средств, утвержденных Конгрессом на частичную помощь частным школам.

• В русской приходской школе имени прав. о. Иоанна Кронштадтского в Сиднее (Австралия) состоялся выпускной акт, на котором заведующий школой А. И. Закрочимский отметил, что школа существует уже 6 лет. Она должна постепенно развиваться в Епархиальную гимназию. В данное время в школе 8 преподавателей и 60 учащихся. Часть учебников составлена преподавателями школы — Л. П. Кулаковской, В. А. Керр и Н. А. Гольцевым.

• Во время освящения нового здания приходской школы, колокольни и часовни св. Германа Аляскинского в Св.-Богородицком соборе, в Лос-Анджелесе (США) пели два хора: русский под управлением И. Иванютенко и английский под управлением Джона Воррена.

• 24-й академический год в Духовной семинарии в Джорданвилле (США) начался в октябре 1971 года. Семинария является единственным духовно-учебным заведением в Русской Зарубежной Церкви, имеющим все права высшего учебного заведения вплоть до выдачи диплома со званием «бакалавра богословия». Всех новопоступивших в этом году оказалось 11 человек, причем некоторые из них уже имеют законченное высшее образование и даже ученую степень «магистра», что указывает на их религиозную настроенность и строго идейные побуждения для поступления в семинарию. Всего учащихся в Семинарии 36 человек, не считая тех, которым разрешено проходить курс на дому, приезжая лишь для сдачи экзаменов.

• В 1948 году при образовании Израильского государства часть недвижимого имущества Русской Духовной Миссии была передана Московской Патриархии. Новый начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антоний начал иск в магистратском суде о возвращении незаконно отнятого имущества. Иск был начат с имущества в Яффе: храм с принадлежащими к нему зданиями и садом. Магистратский суд согласился с доводами адвоката Советской Миссии, что так как объект тяжбы — «Св. Место», то это дело светскому суду не подсудно. Начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антоний обжаловал это решение в следующей инстанции в Окружном суде в Тель-Авиве. Дело слушалось 11 января. Было постановлено принять иск Русской Духовной Миссии для второго розбирательства на следующей сессии суда 15 марта.

• 10 января в монастырском елеонском Св.-Вознесенском храме в Иерусалиме колокольным звоном и пением «Св. преподобномученица Параскева, моли Бога о нас» была встречена икона с части-

цами мощей св. преподобномученицы Параскевы и целителя Пантелеимона. В 1887 г. мощи были присланы настоятелем Старо-Афонского Пантелеимоновского монастыря архимандритом Макарием в дар Топловскому монастырю в Крыму. В 1929 году монастырь был закрыт и мощи укрывались верующими до 1943 года, когда были вывезены за границу.

• Инженер-архитектор Владимир Морозов утвержден в должности архитектора Русской Православной Миссии в Иерусалиме. Под его руководством уже проведены работы по ремонту куполов Гефсиманского храма.

• Св.-Покровский приход в Лос-Анджелесе (США) запланировал на 1972 год постройку нового приходского зала. Смета составлена на 38 000 долларов. Уже собрано более 24 000 долларов.

• 22 января в Брюсселе состоялось освящение новых колоколов Храма-Памятника Царя-мученика Николая II.

• Комитет по сохранению Храма-Памятника на Русском военном кладбище в Мурмелоне (Шампань, Франция) обращается ко всем, кому дороги могилы русских воинов, павших на поле чести во Франции, продолжить их помощь по необходимому ремонту храма, проведению электричества и постройке небольшого здания Музея. В течение последних лет русская колония в Бельгии оказала помощь этому благому делу. Оказать помощь можно вступлением в состав комитета. Членский взнос 50 франков в год. Взносы можно передавать лично членам Комитета или же отправлять на банковский счет комитета:

Pour Compte Ct. 07/6670. С.С.Р.
301.90. Banque d'Escompte et de Travaux S.A.
Bruxelles.

• К началу января 1964 года число русских православных семей в Данденонге (Австралия) достигло тридцати и было решено организовать свой приход. В следующем году на собственные средства община приобрела два смежных участка. В октябре того же года абсолютный Св.-Троицкий духовной семинарии в Джорданвилле (США) Александр Сафонов был рукоположен в священники и назначен настоятелем в новый приход в Данденонге. В мае 1966 г. было приступлено к постройке приходского зала, который должен был служить и временным храмом. К престольному празднику Успения Пресв. Богородицы в 1971 г. временный храм был вполне закончен. В церковном хоре поют до 30 певчих. В шестиклассной приходской школе обучается 76 детей. Преподают Закон Божий, русский язык, русская история и пение. Школой руководит А. С. Асса.

• Основатель Новой Коренной Пустыни в Махопаке, примерно в 50 милях на север от Нью-Йорка, владыка Серафим, в миру Леонид Георгиевич Иванов, участник первой мировой войны, офицер, артиллерист, богослов, философ, миссионер-монах, многолетний редактор журнала «Православная Русь», прибыл в Махопак в январе 1950 г. и поселился в имении князя Белосельского, подарен-

ном Пустыне, в которой должна была пребывать вывезенная из России икона Божией Матери Курской-Коренной. Нов. Коренная Пустынь в 1971 г. в двадцать первый раз отметила годовщину своего основания.

• Священник о. Петр Завадовский решил превратить свой дом в Порту Алегре (Бразилия) в приют, приняв десять русских сирот из числа наиболее нуждающихся. Приютом заведует сестра Ольга Алексеевна Куренко-Августин. Пожертвования просят направлять в ее адрес: Sra Olga Augustin. Rua Portugal 50, apt. 25. Porto Alegre, Rio Grande do Sul. Brasil.

• Председатель Вашингтонского отдела общества помощи русским детям за рубежом Ю. К. Мейер пригласил передвижной театр Всеволода Холмицкого на гастроли в Вашингтон. 30 января состоялся спектакль. Были показаны одноактовые пьесы «Нянька» и «Первая любовь». В первой пьесе Нянька — это уполномоченный НКВД, который сопровождает советских туристов в Америке.

• Фонд срочной помощи и Литературный фонд в Нью-Йорке получили по завещанию покойной Марии Александровны Тонконоговой по 2 000 долларов.

• 28 января в Париже скончался старейший русский писатель, многолетний председатель Союза русских писателей и журналистов, сотрудник газеты «Русская мысль» со дня ее основания Борис Константинович Зайцев. Кончина последовала после краткой болезни на 91-м году жизни писателя.

• Совершенно особенный человек, отличающийся необыкновенной энергией, работоспособностью, организационным талантом и глубокой верой, София Михайловна Зернова скончалась после длительной и тяжелой болезни. Ее любимое детище, цель ее жизни — детский дом в Монжероне (Франция) осиротел. Задача всех нас поддержать это поистине светлое дело христианской любви.

Редактирует коллегия

Редактор В. Сорокин

Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246

Банк: Reuschel & Co.

8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt

V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14